

Нет! Не бывать этому! Ни герр Швайнфюрер, ни фон Квачке, и никакой фон, и никакой Дрек вообще не пустит корней на нашей земле. Не будет помыкать нами немец-вешатель, фриц-грабитель. Ты правду говоришь, наш пламенный писатель: «В каждом из нас такая ненависть, что кажется с ней не проживешь и дня. Она внутри — как огонь. Она не дает дышать. Она не дает уснуть». И она — в бомбе, в пуле, в штыке. Фриц разорил наше гнездо. Не стерпит это сердце, нет, не стерпит, — оплатим фрицу сторицей. Наводчик Бузуверя говорит: «Мы выстоим, все перетерпим, а проклятых гитлеряк сотрем с лица земли. За все отомстим». Сержант Евтушенко говорит: «Еще больше, беспощаднее буду уничтожать фашистскую гадину». Младший лейтенант Успенский выразил наше общее стремление: «Скорее в бой, вперед на разгром врага». На нашем счету уже есть до трех взводов уничтоженной немецкой пехоты.

Даем слово, что XXV-летие октября мы встретим новыми победами. Мы уверены, что наш ответ тебе поддержат и другие подразделения.

Мы слышим стон родной земли, стон, зовущий к мести.

По поручению бойцов и командиров подписали:

младший лейтенант А. Успенский,
сержант Ф. Наставин и др.

10

22 января 1943 г.

Здравствуй, дорогой товарищ

Илья Эренбург!

Разрешите мне, простому фронтовику, лейтенанту гвардейцу, второй год находящемуся в действующей армии, выразить Вам, нашему передовому писателю-воину, искреннюю, сердечную благодарность за Вашу огромную помощь, которую Вы оказываете повседневно нам, фронтовикам, своими статьями, помещаемыми в газетах «Красная Звезда» и «Правда».

У меня нехватает слов, чтобы выразить то хорошее, теплое чувство к Вам, которое охватывает любого воина Красной Армии, будь он рядовым красноармейцем или младшим командиром, лейтенантом или полковником, интендантом или майором, при чтении или слушании Ваших прекрасных статей, каждая строка которых стреляет автоматными очере-

дями жгучей, никогда непримиримой ненависти к человекообразным животным, к шакалам, имя которых — фашисты.

Содержание Ваших статей, форма их изложения — безукоризненны. Каждая фраза — это остро отточенный нож, которым разведчики нашей части режут вшивых фрицев, как бабов, при выполнении боевого задания.

Товарищ Эренбург!

Вы себе не представляете, как любят Вас, Ваши статьи бойцы, командиры и политработники нашей части, с каким нетерпением мы, фронтовики, ждем прихода почты, ждем появления в землянках, траншеях и блиндажах «Звездочки» (газета «Красная Звезда») с Вашими статьями. Священная ненависть к врагам и беспредельная любовь к родине нашей лучами расходятся от Ваших статей и проникают глубоко в душу фронтовиков.

С уверенностью можно сказать, что Вы каждой своей статьей учите и призываете фронтовиков сильнее и крепче ненавидеть наших злейших врагов.

Особенно хороши Ваши статьи «Гретхен»¹, «Немец»², «Облава»³, «Путь свободен»⁴ и многие другие...

Не подумайте, товарищ Эренбург, что я пою Вам какие-то хвалебные дифирамбы. Вовсе нет. Я только очень скромно попытался выразить любовь наших фронтовиков к Вам, к Вашим статьям.

Помните, что каждую написанную Вами строчку с нетерпением ждем мы, фронтовики...

Гвардии лейтенант *Виктор Борисенко*.

10 марта 1943 г.

...Хочется за день убить хоть одного фашиста. Какое проклятое название — фашист. Когда их видишь, смотреть невозможно. Грязное, пухлое лицо, — голодный вор.

В нашем подразделении хорошо стреляют. За последние четыре дня мы устранили 23 немца. Дворников, Ташибеков, Бобрель, Штейнбук и другие снайперы. Здесь русские, укра-

¹ «Красная Звезда» 13 ноября 1942 г.

² «Красная Звезда» 11 октября 1942 г.

³ «Красная Звезда» 17 января 1943 г.

⁴ «Красная Звезда» 20 января 1943 г.

См. также «Война» (апрель 1942—март 1943), М. 1943, стр. 43—49; 49—55; 275—279; 280—282.

инцы, еврей, узбек. Национальностей у нас много. Все хотят убить врага. Мы очень дружно живем. Вот я узбек. Я защищал Ленинград. Я не был в Ленинграде, не знаю, что это за город, но я вместе с друзьями защищал путь к Ленинграду. Я был ранен возле города Луга. Почему мне все это нужно? От этого зависит судьба моего Ташкента, моих родителей. Если я не сумею защитить Ленинград, враг пойдет дальше, он придет к нам. Я этого не хочу. Нет узбека, чтобы хотел быть рабом немцев.

Я даже удивляюсь, почему немцев считали культурными? Они очень грубый народ. Я видел, как они грязно вели себя возле Луги. У меня к ним пламя ненависти.

Сын узбекского народа

Мирза-Мурад Алимов.

12

19 июня 1943 г.

Дорогой товарищ Эренбург!

Получил Ваше письмо и брошюру — ответ на мою жалобу по адресу почты.

Вы знаете, у человека на фронте развиваются чувства диаметрально противоположного характера: он черствеет и вместе с тем он становится даже сентиментален («Жди меня», «Тебе» и т. п.). Поэтому понятно, как обрадовали меня несколько строк, написанных Вами. Я неделю ходил именинником, и все в части знали об этом. Радостно трижды. Я получил теплый ответ — обида сглажена, я получил письмо от Ильи Эренбурга, я получил письмо от одного из любимых писателей.

Мне уже не 18 лет, и я не девушка, увлекающаяся тенорами и писателями. Я хорошо знаю Эренбурга. Имел в своей библиотеке почти все изданное «из Эренбурга».

Как всякий читающий фронтовик, я знаю все Ваши статьи, кроме разве опубликованных в первые месяцы 1943 г., когда почта, в дни нашего наступления, окончательно забастовала.

Мне хотелось сказать Вам, что каждая Ваша статья — я не раз читал их вслух бойцам и командирам — делает огромную политическую работу.

Недаром немцы, умелые враги, вынуждены принимать особые меры против Эренбурга, посвятив его статьям специальную листовку. Эта листовка действовала на наших солдат так же, как и остальные, вызывая презрение к хитрому, но не больно умному врагу.

Одна из последних прочитанных мною Ваших статей «Ожидание»¹. Правильная и нужная статья. В тиши обороны мы успокаиваемся. «Беспокоящий арминогонь» — единственное развлечение на нашем и, верно, на других участках фронта — давно перестал кого-либо беспокоить. А спокойствие в войне с немцами дело совсем негодное. Светлый летний украинский пейзаж, мирные развлечения с украинскими девушками способствуют этому. Вы ломаете это спокойствие.

Я вспоминал вчера Вашу статью, будучи на рекогносцировке на переднем крае. Вот там, на высоком берегу, немцы. Мы, русские офицеры, должны осторожно передвигаться по нашей земле. Немцы хорошо просматривают восточный берег, контролируют огнем наши высоты. Мы не можем, прищипив коней, проехать туда. Там враг. И злоба, и ненависть, и недовольство собою возникают от этого.

Я пережил радость зимнего наступления и горечь мартовского отступления. Мне думается, что об этом следовало писать. Шолохов, кажется, пока единственный, позволивший себе поднять эту тему. Надо нас, солдат и офицеров, иногда и пристыдить.

Немцы сейчас действительно не те, что были. Взяв Харьков вторично, они, как и наши советские люди, оставшиеся там, понимают, что Харьков может быть ими потерян снова и навсегда. А если Харьков, то почему не Киев, не Львов?..

Вы желали мне боевого счастья. Спасибо за доброе слово. Я понимаю его во всей широте — это и победа, и жизнь, и орден, и возвращение к любимой. Верно?

Хочу и Вам пожелать, ну, хотя бы того, чтобы немцам и обслуживающим их литературным проституткам пришлось потрудиться над выпуском еще одной листовочки «анти-Эренбург».

Хочу надеяться, что не очень далек день, когда прочту в газетах Вашу статью под звонким заголовком «Победа».

Уважающий Вас

гвардии старший лейтенант *Резников Б. Г.*

¹ «Красная Звезда» 10 июня 1943 г. См. *Илья Эренбург, Война* (апрель 1943—март 1944), М. 1944, стр. 272—277.

20 июля 1943 г.

Дорогой товарищ Илья Эренбург!

Большое спасибо Вам за присланные на память книги «Война»¹ и «Ожесточение»². Все их с большим интересом прочитали.

Вы знаете, что наш участок фронта сейчас наступает. Наша землянка, в которой мы пишем письмо, освещенная немецким эрзац-парафином, колышется. Ожесточенно работает родная артиллерия. Ночью даже «У-2», разбрасывая фонари, бомбят немецкий передний край. Наши орудия работают у «второго» Сталинграда. Вместе с Вами мы шепчем: «Поддай силы нам, русская земля».

Мы хотим с Вами поделиться одним интересным фактом. Бойцы нашей части охраняли пленного летчика-капитана. Обычный упорный фриц с «железным крестом». Командование давало ему командирский паек. Позавчера вечером он пошел «оправиться». За домом тянулось поле, заросшее травой. Он пытался бежать и, как змея, полз в поле. Часовой задержал его. Утром он расхаживал по комнате хаты, как затравленный, но затем сел и как будто успокоенно смотрел по сторонам. И вдруг — прыжок. Он хотел вырвать винтовку у часового, стоящего у двери комнаты. Это привело только к лишней ране штыком. Потолковали мы об этом случае, и нам пришла в голову мысль о символической судьбе гитлеровской Германии. Чувствуя свою гибель, полуослепленная ударами Красной Армии, она мечется в заколдованном мощном кругу штыков. Она бессмысленно еще кусает и, сдыхая, старается отравить все своей бешеной слюной...

Если останемся живы, мы надеемся не потерять с Вами дружбу. Мы многому научились у Вас, а после войны будет много интересного, чтобы поговорить с Вами.

Ваши друзья: *Бисенгалий Наурзбаев,*
Владимир Баранов.

2 апреля 1945 г.

Здравствуйте, многоуважаемый и любимый нами мастер простого русского слова т. Эренбург!

Примите от нас, фронтовиков-артиллеристов, искренний боевой привет. Мы, фронтовики, с большим интересом чита-

¹ Илья Эренбург, Война (июнь 1941—апрель 1942), М. 1942.

² Илья Эренбург, Ожесточение, М. 1942.

ем Ваши статьи и рассказы. Если в подразделении узнавали, что получена «Красная Звезда», где помещена Ваша статья, то все бойцы, сержанты и офицеры не могут дождаться маленькой передышки от боя, чтобы прочесть или послушать простые, зажигающие слова. Если свободной минуты не бывает, то газета идет по рукам бойцов. Каждый боец, прочитав статью, с большой радостью и похвалой бережно передает ее другому бойцу. Газеты с Вашими статьями и рассказами у нас подшиваются. Недавно у нас было собрание рядового состава, и вот один боец в своем выступлении призывал остальных к решающим последним боям. Он говорил: «Товарищи, мы должны окончательно разгромить фашистскую армию и штурмом овладеть центром фашистского логова — Берлином», и дальше подчеркнул: «Илья Эренбург пишет уже статью «Падение Берлина».

Дорогой наш товарищ, сегодня мы прочли Вашу статью под заглавием «Обоснование презрения»¹. Мы даже не можем придумать, чем отблагодарить Вас за такую статью. Вы действительно правдиво раскрыли настоящее лицо тупоголовых, бесчувственных «завоевателей мира»...

Жмем Вашу руку и шлем свои искренние пожелания.

Лейтенант Гусаков,
сержант Голованов и др.

15

8 апреля 1945 г.

✓ Солдату героической Красной Армии
Илье Эренбургу.

Свою страну в боях мы отстояли.
Солдаты все бесстрашны, как один.
Где б мы ни шли, на нашем стяге—Сталин,
И этот стяг мы принесем в Берлин.

Фронтový привет Вам, воину Красной Армии, от фронтовиков-карпатцев в день наших общих побед над немецкими захватчиками.

Сегодня наш коллектив артиллеристов получил Ваше дорогое письмо, за которое сердечно благодарим. Во-первых, Ваше письмо окрылило нас на новые подвиги, во-вторых, мы по-честному выполняем Ваш призыв «судить убийц огнем».

¹ «Красная Звезда» 25 марта 1945 г.

Мы судим беспощадно и справедливо. Мы руководствуемся чувством достоинства русского воина.

Наша месть не слепа, наш гнев не безрассуден. Кто, как не мы, воины Красной Армии, очевидцы всех чинимых немецких злодеяний на нашей земле и в странах Европы. Мы помним, дети и правнуки наши не забудут Бабьего яра, Майданека. Кто, как не мы, живые свидетели злодеяний немцев в Освенциме. Мы были там не как на экскурсии, — нет. Мы были как свидетели, как следователи, собирающие обвинительный материал для суда над немцами.

Разве можно простить тому, кто с жадностью стервятника глумился над жертвой. Они умерщвляли людей, вырывали зубы, вместе с кольцами рвали пальцы, с мочками ушей в руках убийц были серьги. Им некогда, они спешили, они с каждым днем увеличивали работу крематория, они боялись возмездия, но оно пришло. «Смерть, только смерть убийцам!». Случайно оставшиеся в живых — наши братья и сестры, люди дружественных нам стран — рассказывают нам на разных языках об ужасах лагеря смерти — Освенцим». Они называют фамилии, имена трижды проклятых всем человечеством палачей из фашистской Германии.

Суд идет. Суд суровый и справедливый.

Кое-кто из немцев, военных и гражданских, начинает «понимать» обстановку дня. Кривляясь, заискивая, они сдаются в плен.

Вот «завоеватель» Вальтер Шторц. Он сейчас уже разбирается в проигрыше войны Германией: «Германия кругом окружена врагами. Россия велика, и германская армия никогда не сумеет ее победить».

А вот он, «юноша» из 141-го немецкого полка. Он говорит в 1944 г. о том, что Россия сильна и воюет не плохо:

«Когда я узнал, что началась война с Россией, я буквально потерял дар речи. Россия сильнее нас вдвое, втрое по своим ресурсам».

Они лепечут устами невинного, но мы не верим, это не уста человека, а пасть с клыками чудовища.

Мы верили в победу в 1941 г., твердо шли вперед в 1944 г., мы гигантски шагаем в 1945 г. — идем на Германию. Да. Вы правы. Берлин не за горами. Он у нас стоит на карте, как точка очередного удара. Мы, артиллеристы кавалера четырех орденов майора Кунеевского, по боевому рапортовали славному юбилею Красной Армии. Минометчики капитана Дудко уничтожили два самоходных орудия и несколько десятков автоматчиков противника.

Мы, вооружившись историческим приказом Верховного главнокомандующего товарища Сталина за № 85, готовим последний сокрушительный удар по нацистской Германии, мы,

как никогда, повышаем бдительность, являющуюся основой наших успехов...

Разрешите нам поздравить Вас с офицерским орденом Почетного Легиона, которым наградило Вас французское правительство. Эта награда увенчает славу воина, сражающегося с нацистской Германией. Эта награда есть достояние всего нашего народа, укрепляющего дружбу Советской России с Францией.

Желаем вам успеха на боевом поприще.

По поручению личного состава воинской части 17210

А. Н. Шаранов и др.

Из переписки Ильи Эренбурга с гвардейцами-танкистами¹

16

28 октября 1942 г.

Товарищ Илья Эренбург!

Бойцы и командиры шлют Вам свой боевой привет. Получили от Вас письмо и сборник летних статей, за что очень благодарим. Личный состав роты очень рад, что Вы дали согласие на зачисление Вас в боевой экипаж. Экипаж, в котором Вы будете почетным танкистом, состоит: командир танка — гвардии младший лейтенант Соколов А. А. — орденоносец; механик-водитель — дважды орденоносец гвардии старшина Чмилъ И. В.; командир орудия — дважды орденоносец гвардии старшина Гуленко В. В. и радист-стрелок — орденоносец гвардии старший сержант Костенко С.

Мы сейчас учимся, чтобы с новыми силами громить врага и быстрее освободить наших братьев, временно находящихся в оккупированных районах.

Тов. Илья Эренбург, бойцы и командиры просят Вас выслать фотокарточку для того, чтобы ее поместить в альбоме почетных людей нашей части.

¹ В августе 1942 г. гвардии старшина Иван Чмилъ предложил гвардейцам-танкистам послать Илье Эренбургу письмо с просьбой дать согласие быть членом танкового экипажа. Илья Эренбург предложение принял, и с тех пор между ним и танкистами установилась постоянная связь. Здесь приведено несколько писем из этой переписки.

Бойцы и командиры уверены, что Вы не откажете в их просьбе, и желают успехов в Вашей работе.

Крепко жмут Вам руку Ваши друзья-танкисты.

Зам. командира роты по политчасти
гвардии политрук орденоносец *Табачков*.

17

Из письма Ивана Чмиля Илье Эренбургу

10 ноября 1942 г.

...Я еще молод, год рождения — 1919. Родом я из славной и любимой Полтавщины с белыми хатами и зелеными садами. С начала войны нахожусь на фронте в танковой части. Я вместе с Костенко в одном экипаже. Пережили мы уже шесть средних и один КВ. Ни одного не оставили на поле боя. Не одна сотня поганых фрицев и мадьяр нашли себе могилу в наших степях—за любимую Полтавщину, за родной город Кременчуг на берегу Днепра.

Не раз смерть заглядывала в мои глаза, но я не трусил и в самые трудные минуты. Я верил в свое грозное оружие, несокрушимую броню. В боях я закалился. Недаром мы получили почетное звание гвардейцев. Недаром на моей груди два ордена «Красной Звезды».

Подумаешь, и обидно становится. Как мы жили счастливо и весело. У меня были четыре сестренки, все меньше меня. У меня были мамаша и папаша. У меня была любимая девушка. Звать ее Оля, со светлыми волосами и карими глазами, с веселой улыбкой. Был я у мамыши единственный сын, любимец. И все они остались и стонут под игом германцев. Но пусть они останутся без единственного сына и брата, лишь бы жили на свободной земле.

...Немцы еще почувствуют на своей голове наши гвардейские удары.

К нашей ненависти мы приложим умение, упорство, и недалек тот день, когда мы прогоним последнего немца, отыщем родных и любимых, заживем счастливо. А если погибнем за родину, пусть живут счастливо наши дети, наши сестры, отец, мать. Пусть они вспомнят нас.

Старшина Иван Чмиль.

И. Эренбург — И. Чмилю

Исхудали бедные колбасники,
 Видно, кур в окрестности не стало,
 А танкисты кормят их не баснями,
 Но вполне питательным металлом.
 Чуешь ты, Полтавщина родимая,
 Милая моя, девчина Оля,
 Истребим мы фрицев до единого.
 Лютым боем отвоюем волю.

И. Чмиль — И. Эренбургу

Этот стих для Вас я сочинил,
 Роты нашей воин рядовой,
 Это вам, который нас учил
 Ненавидеть фрицев всей душой.
 Бьем мы немца, верим, час придет
 Уничтожим их. И новой жизнью,
 Радостной, счастливой расцветет
 Гордая, любимая отчизна.

И. Эренбург — И. Чмилю

1943 г.

Дорогой Иван Васильевич!

Рад узнать, что Вы здоровы.

Надеюсь, что Вы получили письмо из дома и что все Ваши также здоровы. Зима не сулит фрицам ничего хорошего. Из Белоруссии идут хорошие вести. А в Берлине, должно быть, не весело. Бомбят их тоже не скверно. Мой горячий привет Костенко и Вашему экипажу. Крепко жму Вашу руку, дорогой Иван Васильевич, и желаю удачи.

И. Эренбург.

Здравствуйте, наш дорогой и многоуважаемый
член экипажа Илья Эренбург!

Примите от нас и лично от меня пламенный, чистосердечный дважды гвардейский привет, с крепким пожатием рук и пожеланием хороших успехов в Вашей повседневной работе и счастливой жизни. Спешу сообщить Вам о том, что я и мой экипаж жив и здоров, чего и Вам желаем.

Дорогой и любимый наш писатель и член нашего боевого экипажа. Мы находимся уже четвертый месяц в ожесточенных боях с озверелым врагом. Мы его беспощадно громим день и ночь — мы здесь на фронте, а Вы на своем боевом посту. Мы всегда живем с Вами одним и тем же желанием — быстрее разгромить немецкие орды, окружить и уничтожить поганых фрицев, освободить нашу родную землю, нашу родную Украину, нашу гордую цветущую Полтавщину и своих родителей, стонущих уже полтора года под игом фашизма. Верьте в наши силы, в наше мужество, стойкость и в нашу безмерную преданность нашей родине, любимой партии и дорогому товарищу Сталину. Мы разгромим и уничтожим захватчиков и заживем счастливо.

Дорогой и любимый наш Илья Эренбург, я уже пережил десять танков, из которых только один был вынужден бросить на поле боя в районе Тацинска. Не один десяток танков противника остался неподвижным на поле боя, не один десяток автомашин в воздух полетел. Больше тысячи поганых фрицев нашли себе могилу на нашей земле. 50 фрицев и макаронников раздавил я гусеницами в районе среднего Дона.

Знайте, что это Ваш танк вел за собой в атаку целую роту на ст. Тацинка, овладел ею без лишних потерь и нанес огромные потери врагу. Это Ваш танк вел за собой роту правого фланга на высоту 195 и подбил два танка и одну автомашину. Заверяем Вас, что мы с честью выполним свой долг перед родиной и перед партией и никогда не осраим высокого звания Сталинской гвардии, которым мы безмерно гордимся.

Прошел я множество атак, я шел навстречу дню; нагрудный свой гвардейский знак, как честь свою, храню. Он для меня не просто знак, его боится лютый враг, его боится как огня — гвардейских танков и меня. Вчера полковник командир отметил нас, хваля: «Орлов таких не видел мир, не видела земля».

Дорогой и любимый Илья Эренбург! Я Вам посылаю второе письмо, а от Вас ответа нет. Сообщаю, что Ваше письмо, которое Вы писали 9 декабря 1942 г., я получил, за что без-

мерно благодарю; благодарю за книгу-роман «Падение Парижа» и акростих, на который я дал свой ответ. Сообщаю, что мы вышли на-днях только на временную передышку, чтобы собраться с силами, с новыми знаниями и своими бронированными чудовищами обрушиться на головы фрицев и остатки недобитых мамалыжников и макаронников.

Сообщаю о нашей великой утрате. Мы потеряли нашего любимого комиссара роты гвардии старшего лейтенанта Табачникова, который героически погиб в районе Новочеркасска. Мы не раз мстили за него и еще отомстим. Я также парторг роты, воспитываю в нашем большевистском духе молодых коммунистов на старых традициях нашей части. Нахожусь вблизи гор. Харькова...

Жду от Вас письма и, если возможно, то литературы.

Привет Вам пламенный, дважды гвардейский, от ком. машины гв. стар. Костенко, мехводителя гв. стар. Чмиль, ради-ста гв. серж. Мелихова, ком. орудия гв. ст. серж. Горшкова.

Иван Чмиль.

Путь гвардейцев — это путь России: от Дона до Двины. Давно ли немцы, венгры, румыны кочевали по степям нашей Родины? Давно ли бандиты карабкались по горам Кавказа? Давно ли Гитлер кричал о конце России? Рано разбойники пировали. Нашлась на них управа. Теперь Гитлер закликает своих фрицев: «Стойте». А фрицы слушают и улепетывают. Вперед идет Россия. И верные ее дети, славные танкисты, рвутся вперед.

Румыния — это только сени. Мы идем в Германию. Мадыры — это только закуска. Мы глядим на Берлин. Юг хорошо начал. Очередь за севером. На юге уже весна. Эта весна для всех: и для Киева, и для Одессы, и для Крыма. Скоро придет весна и для Белоруссии. Юг начал, север кончит.

Есть возле Витебска ров. Туда немцы бросали живых детей. Земля шевелилась, и земля кричала. Танкисты слышат этот крик. Есть у Вас свой счет. Этот счет ведет русское сердце. Этот счет выпишут гусеницы танков. Немцы ответят за все. Эта весна будет воистину весной России.

У меня среди Вас, гвардейцы, есть друг — Иван Васильевич Чмиль. Его сестренку немцы угнали в неволю. Измываю-тся колбасники над нашими девушками. У каждого из вас милая, невеста, сестра или дочь — певунья и радость. Где они

теперь? Уж не в проклятом ли Свиномюнде, где немец кричит: «Эйн-цвай, живей»... Разве для того пели малиновки в наших лесах? Разве для того цвели русские розы? Кто из нас не скажет: освободим сестренку Чмиля, освободим дорогих нам девушек. Пора кончать с немцами. Вот уже третья весна, как горюет родина. Стосковались наши милые. А путь домой идет через Берлин. Мы не замешкаемся. Летом будет страда. Осенью будет радость. В добрый путь, славные друзья, героитанкисты.

И. Эренбург.

23

И. Эренбург — И. Чмилю

Дорогой Иван Васильевич!

1944 г.

После долгого перерыва получил от Вас сразу два письма. Узнал, как Вы съездили домой, с Вами пережил Вашу радость и Вашу горе. Да, наделали немцы делов. Но вот сейчас только в Москве отгремели орудия: наши дошли до Бессарабии, до границы Румынии. Скоро дойдем и до границы Германии и перейдем ее, и гусеницы танков расскажут немецкой земле, что значит убивать неповинных. Ответят гады за все: и за кровь Вашего двоюродного брата, и за слезы Вашей сестренки. Дорогой Иван Васильевич, радуюсь, что Вы живы и невредимы. Радуюсь, что Костенко поправляется после ранения. От души поздравляю его с новой «Красной Звездой».

Крепко, крепко жму Ваши руки.

И. Эренбург.

24

*Из переписки Ильи Эренбурга со снайпером
Гавриилом Хандогиным¹*

И. Эренбург — Г. Хандогину

Октябрь 1942 г.

Дорогой товарищ Хандогин!

От души поздравляю Вас. 132 гада зарыты в землю. 132 наших спасены. Хочется крепко, крепко пожать Вашу твердую и благородную руку.

¹ О Гаврииле Хандогине см. статью И. Эренбурга «Россия» (14 августа 1942 г.). «Война» (апрель 1942—март 1943), М. 1943, стр. 213.

Посылаю Вам книжку, там на странице 48 прочтите о себе. Желаю бить немцев неумоимо, храня бодрость.

Искренно Ваш *Илья Эренбург.*

25

*Из письма Гавриила Хандогина
И. Эренбургу*

6 ноября 1942 г.

...С каждым днем растет во мне ненависть. Я читаю, что пишете. А с немцами я разговариваю пулями. Я уничтожил 140 фрицев. Из них 70 отношу на Ваш личный счет. Обязуюсь продолжать, пока жив.

Сержант Гавриил Хандогин.

26

И. Эренбург — Г. Хандогину

Дорогой товарищ Хандогин!

С запозданием благодарю за Ваше дружеское письмо.

Большой радостью были для меня Ваши новые боевые успехи. Поздравляю со вторым орденом. Вы его хорошо заслужили. Фрицев теперь хорошо бьют. Они приуныли, проклятые колбасники.

После Роммеля — Алжир. После Алжира — Сталинград, Тулон, Ржев, Великие Луки... Это уже смахивает на начало конца.

Желаю Вам хорошо бить фрицев, быть здоровым.

Жму крепко руку.

Илья Эренбург.

27

Г. Хандогин — И. Эренбургу

Здравствуй, дорогой и любимый писатель тов. Эренбург!

Ваше письмо я получил в тот день, когда был приглашен на празднование годовщины соседней части, где встретился со

знатными снайперами. С большой радостью я прочитал им Ваше письмо и рассказал о нашей дружбе, о нашей переписке.

Благодарю Вас, тов. Эренбург, за поздравление по поводу награждения меня вторым орденом. Новую правительственную награду я принимаю как поздравление советского народа, который обязывает меня еще больше уничтожать проклятых гитлеровцев.

Ваше пожелание — хорошо бить фрицев, будет выполнено меткими выстрелами моей снайперской винтовки. На слете снайперов я дал слово встретить новый, 1943 год, истреблением 160 немцев. Уже 158 фрицев я отправил на тот свет.

С горячим новогодним приветом

снайпер *Гавриил Хандогич.*

28

*Открытое письмо Ильи Эренбурга
Гавриилу Хандогину*

Дорогой товарищ Хандогин!

Я хочу Вам высказать то, что чувствуют миллионы наших соотечественников, когда они читают о Ваших боевых трудах. Около полутораста немцев Вы предали смерти. Вы казнили убийц и преступников. Вы освободили землю от ста пятидесяти злых и омерзительных существ. Вас благословляют русские матери. Вас благодарят русские девушки. От имени многих я, писатель, хочу позжать Вашу мужественную руку и сказать Вам: спасибо.

Настанет день, и суд всех свободных народов будет судить кровожадных немецких палачей. Но человеческое сердце не мирится с ожиданием. Россия уже вынесла свой приговор. Стоит прислушаться к метели, стоит спросить ночь и звезды, они ответят: смерть немцам! Вы приводите приговор России в исполнение.

Вы знаете, как в украинском селе Буденновка немец Фридрих Шмидт терзал и убивал девушек. Признания палача Фридриха Шмидта заряжали Вашу винтовку. За муки Буденновки Вы убили не одного немца, и когда мы освободим Украину, Вам, отважному сибиряку, скажут спасибо все ее дивчины.

Вы привыкли смотреть правде в глаза. Вы — судья. Вы должны все знать. Я расскажу Вам о том, что произошло в селе Бельское Смоленской области. Немцы схватили молодую женщину Анну Андреевну Русакову. Они ее раздели, изнасиловали. Один немец фотографировал. Потом Русакову убили и бросили в колодезь. Красноармейцы освободили село Бельское, нашли ее изуродованное тело. А у презренного фрица Альберта Брауна оказалась серия фотографий: муки русской женщины Русаковой. Эти фотографии сейчас передо мной. Я пишу Вам письмо, и я жалею об одном, что в моей руке не винтовка снайпера. Я знаю, дорогой товарищ Хандогин, что Вы казните не одного немца за Аню Русакову.

...Красная Армия наступает. Каждый день она освобождает города и села. Немцы драпают. Они называют свое отступление «эластичной обороной»: у них на все эрзацы — и на валенки и на слова. У них и сердце — эрзац-сердце. Вы его найдете меткой пулей — сердце немецкого волка. На Дону теперь убивают немцев оптом. Вы, товарищ Хандогин, бьете их в розницу, но и в розницу Вы скоро прикончите вторую немецкую роту.

Колбасники слышали смутно, что есть Сибирь, леса и охотники. Они не думали встретиться с хорошим сибирским охотником. Они надеялись, что Вы будете бить пушного зверя, а они станут торговать в Лейпциге мехами. Но сибирский охотник Гавриил Хандогин теперь — народный судья, ему не до пушного зверя, он бьет фрицев.

Придет час победы. Мы уже видим вдаль ее нежную и дивную зарю. Расцветет наша земля. Улыбнутся наши девушки. Загорятся огнями наши города. Вы поедете домой, товарищ Хандогин. Далекий это путь — через всю матушку Россию. На вокзалах Вы увидите, как матери будут встречать сыновей, обливаясь слезами радости, как жены будут обнимать мужей. Тогда вы сможете сказать себе: «Моя винтовка спасла многих». Нет лучшей награды, нет дела благородней. Дорогой друг, Вы спасли много русских жизней. Я желаю Вам сил и удачи — до конца, до победы.

Илья Эренбург.

(«За родину». Ежедневная красноармейская газета Северо-Западного фронта, № 30(581) 31 января 1943 г.)

*Письмо снайперов-хандогинцев
Илье Эренбургу*

Февраль 1943 г.

Дорогой Илья Эренбург!

Ваше письмо снайперу Гавриилу Хандогину взволновало всех нас — его учеников и товарищей. И мы решили, что это письмо адресовано не одному т. Хандогину, а всем нам, всем тем, кто выполняет приговор народа — предает смерти презренных немецких убийц и преступников.

Каждый из нас, стреляя в фашистских гадов, мстит за все их злодеяния. Снайпер Гавриил Хандогин мстит фрицам за Россию, познавшую страдания от немецких мясников. Его ученики — снайперы Тарасенко и Памазанов — мстят за Украину, за Ростов, за родные села, кровью и слезами омытые.

Мы запомнили украинское село Буденновка, и немца-саниста Фридриха Шмидта, и то, как он терзал и убивал девушек. Мы не забудем девушку Аню Русакову из села Бельское Смоленской области и Евдокию Андреевну из деревни Гоголино Молвотицкого района, которые зверски были замучены немцами. Мы — судьи и ничего не забудем. С каждым нашим выстрелом замертво падают кровавые гитлеровцы, эти Шмидты, Брауны. Мы будем еще сильнее разить и убивать фрицев и очистим нашу советскую землю от фашистской нечисти.

Гавриил Хандогин отправил на тот свет уже 170 фрицев. Илья Тарасенко убил 94 фашистских гада. 123 выстрела сделал Алексей Помазанов, и на 123 подлых врага стало меньше на нашей земле. Так стреляют и Кузьма Погодин, и Сергей Серебряков, и Иван Кутаевский, и молодые снайперы Николай Гуляев, Иван Богданов. Они выполняют приговор советского народа — уничтожить, раздавить фашистскую гадину.

Дорогой Илья Эренбург! Когда-то вы писали: «немец, убитый под Демянском, не попадет на Дон, на Волгу». Это правильно. За полгода наши снайперы здесь, на Валдайских высотах, сразили 1 629 немецких оккупантов. Эти дохлые фрицы могут быть довольны. Немцы на юге драпают и на бегу идут в загробное царство. Фрицы под Демянскомдохнут на месте и будутдохнуть от наших могучих ударов.

Хандогинцами — зовем мы себя. И это звучит гордо не только для Хандогина, но и для каждого из нас. Придет час победы. Да. Она уже близка, и мы с гордым словом — хандогинцы — возвратимся домой.

Мы скажем нашим матерям: спасибо за Ваше священное благословение. Мы скажем советским девушкам: спасибо Вам, за Вашу заботу и любовь. Мы скажем всему советскому народу: спасибо за патроны, винтовки, снаряды, за могучую

военную технику. Мы скажем Вам — советскому писателю: спасибо за слово, которое, как пуля, бьет врага, спасибо за дружбу.

Мы просим Вас, тов. Эренбург, оказать нам большую честь и приехать к нам в гости, чтобы совместно отпраздновать 25-ю годовщину Красной Армии. Мы расскажем Вам, как бьем врага, и еще теснее свяжем нашу дружбу.

Ждем Вас, тов. Эренбург, в гости.

Желаем Вам новых творческих успехов.

Со снайперским приветом

Г. Хандогин,
И. Тарасенко,
А. Помазанов.

30

*В.срочно — Москва. Редакция
«Красная Звезда». Эренбургу*

29 марта 1945 г

Уважаемый товарищ Эренбург!

Благодарю Вас за книгу «В фашистском зверинце»¹. Благодарю за чуткость, проявленную к моей семье.

Вот я и в Германии. Я проклинаю эту супесковую землю, вскормившую фашизм. Мы у Одера. Теперь уже рукой подать до Берлина. Сейчас, как никогда раньше, мы ставим немцам условие: одер — смерть, одер — капитулируй. А мы с Вами все же вот-вот встретимся в гитлеровской столице, как и условились.

Спешу сообщить свою радость: издавна в нашей части установилась традиция — знамя полка носит наилучший воин. И вот не так давно я назначен знаменосцем. С глубоким чувством ответственности я пронес эту святыню от Вислы до Одера. Я поклялся донести его до Берлина. Я сберегу его до сияющего дня победы, тогда я распушу его алое полотнище на ветру справедливости, высоко над головой подыму его древко — пусть расцветет оно в золотых лучах солнца, как символ славы русского оружия, как сверкающая доблесть советских воинов. Это будет в самый великий день для нашей родины, это будет в самый большой наш праздник — это будет скоро.

Крепко жму Ваши руки. До свидания в Берлине на улице, которую возьму я вместе с полком.

Гавриил Хандогин.

¹ Илья Эренбург, В фашистском зверинце, М. 1944.

Письма
к
Б. СИМОНОВУ

1

26 февраля 1943 г.

Уважаемый товарищ Симонов!

Великое множество писем получаете Вы, конечно, от незнакомых лиц, и мое не внесет ничего нового и не прибавит ничего интересного.

Просто хочется сказать, что Вы, совсем не зная меня, помогаете мне жить. Мне было очень, очень тяжело. Долго не было (и нет) от мужа писем. Уже начала терять надежду. И тогда — вдруг «Жди меня»¹. Оно попало мне на глаза как раз в годовщину нашей свадьбы. Мне показалось, что это Юра написал мне эти строчки, потому что именно так сказал бы он мне, если бы мог подать о себе весть. Если мне хотелось плакать, то после этого сразу стало так хорошо-хорошо на душе. И я написала ему письмо по радио, — большое и в стихах. Его передали в день, когда Юре исполнилось 24 года. И теперь всегда и я повторяю, и мне повторяют друзья: «Жди меня, и я вернусь». И хоть подходит уже второй год, как нет ни слова о нем и от него, я все жду и, главное, верю, что он придет...

Л. Бородина.

¹ «Правда» 14 января 1942 г. См. Константин Симонов, Стихотворения 1936—1942, М, 1942, стр. 157—158.

29 апреля 1943 г.

Уважаемый товарищ Симонов!

На нашем участке установилось временное затишье... Мне посчастливилось сегодня увидеть в городе Вашу пьесу «Русские люди». Я потрясен до глубины души; у меня даже слезы брызнули, что случилось со мной за время войны только второй раз. Первый раз, когда я год назад, в Сталинграде, из горящего здания вытащил 4—5-летнюю девочку и под жесточайшей бомбежкой на своих руках донес ее до Волги и переправил. Когда я ее сажал на лодку, она не хотела разжать свои озябшие под холодным дождем ручонки, которыми обняла мою шею. Когда же я все-таки уговорил ее сесть в лодку, сказав, что, наверное, мамка там, на том берегу, ждет тебя (мать ее была убита), она еще крепче обняла меня и сказала: «Ой, дяденька, дай я тебя поцелую» и поцеловала меня долгим поцелуем. Что было тогда в душе этой четырехлетней девочки? А второй раз пришлось всплакнуть, когда смотрел «Русских людей».

Спасибо же Вам, товарищ Симонов, за Ваш труд. Сколько настоящего наслаждения Вы дали и сколько силы влили в душу. От избытка чувств не знал я, что делать, и решил Вам написать это письмо, тем более что мы с Вами в некотором смысле знакомы. Мы с Вами в начале сентября 1942 г. встретились в Сталинграде. Помните недостроенное большое красное здание (театр) в поселке СТЗ. Когда Вы пришли с бригадным комиссаром к нам, я был оперативным дежурным. Я Вас принял и проводил к комиссару т. Грекову. Когда появился Ваш «Бой на окраине»¹, я узнал, что это были Вы, и очень каялся, что не удалось с Вами поговорить...

От души желаю Вам творческих успехов.

Капитан Андрей Семашко.

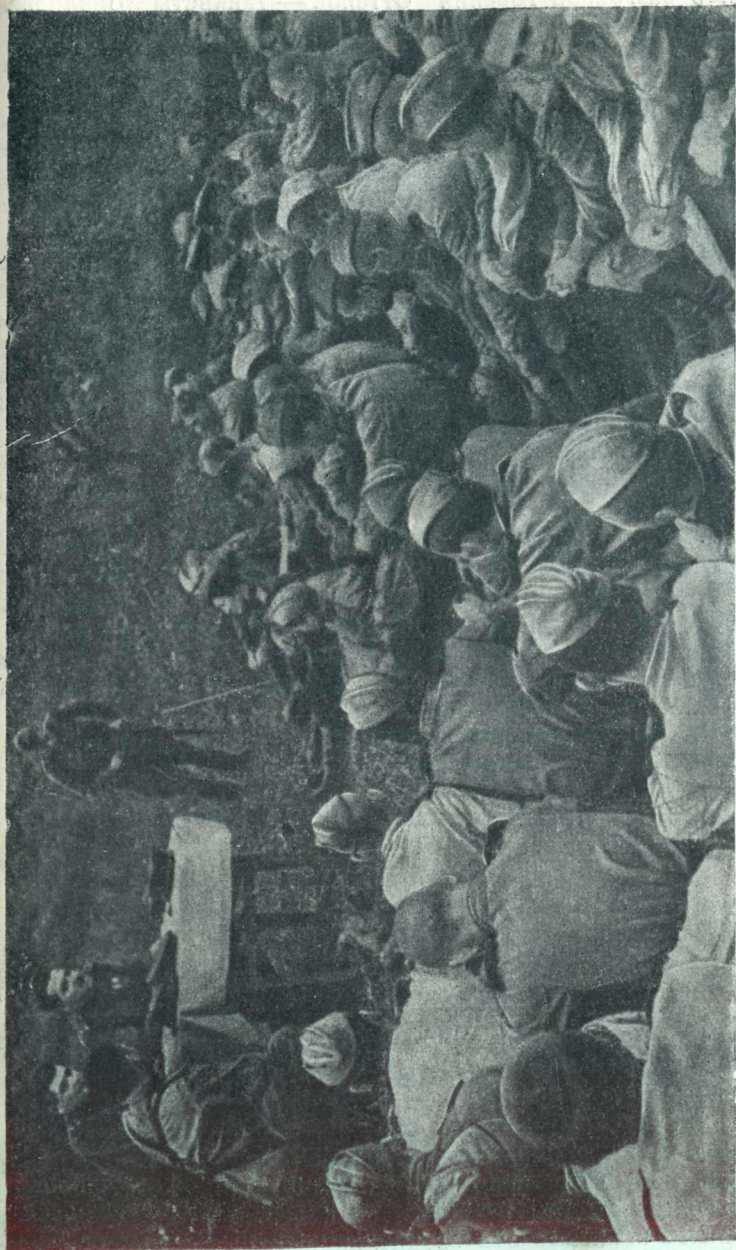
1 декабря 1943 г.

Дорогой товарищ Симонов!

Недавно, сидя вечером с товарищами, я разговорился о литературе, которую люблю и немного знаю.

Много было говорено у нас о фронтовой лирике, любовных песнях, песнях боевых и т. д. Упоминалась и Ваша фамилия, упоминалась с любовью и уважением.

¹ «Красная Звезда» 18 сентября 1942 г. См. также К. Симонов, Бой на окраине, Воениздат НКО СССР, 1942.

К. Симонов в армии генерала Пухова. Беседа в полку связи (июль 1943 г.)

Говорили с жаром, с увлечением, но вскоре стал замечаться в разговоре горький оттенок — танкисты обиделись, что нет хорошей песни о танкистах. А петь танкисты любят и умеют. Каждый вечер у костра после воспоминаний о боях начинаются песни.

Но что поется? Поется не то, чего хочет сердце танкистов. Повидимому, наших поэтов не увлекает эта тема, не видят они ни суровой красоты танковых атак, ни обаяния этих измазанных маслом и пороховой гарью, всегда веселых, шутилых и озорных людей в черных шлемах и комбинезонах.

А кто первый в труде и в бою? Кто, не опуская глаз, идет навстречу опасности? Танкисты. Может быть Вы слышали эхо танковых боев под Орлом и Белгородом, может быть, Вы видели горящие танки под Старой Руссой?

Кто делает прорыв вражеской обороны и, обеспечивая наступление «царицы полей», громит немецкие тылы, не думая, сумеет ли он выбраться назад или нет?

И вот я от лица своих товарищей решил обратиться к Вам, т. Симонов, с нашей великой обидой. По моему мнению, только Вы можете дать нам песню, которая нам нужна.

Я давно и внимательно слежу за Вашим творчеством. Ваша фронтовая лирика показала мне, что Вы можете понять солдатское сердце и обратиться к нему без напыщенности и сусальности, которые так неприятно действуют на нас.

Тема верности любящих, тема любви к родине, готовности сложить голову за Россию, тема солдатской чести — все это находит у Вас хорошее выражение...

Пожелаю Вам от всей души сил и здоровья и побольше счастливых минут вдохновения.

С искренним приветом В. Унишевский.

4

Дорогой товарищ Симонов!

Это письмо Вам пишет солдат, для которого Вы стали близким другом. Может быть, слишком дерзко с первых строчек навязываться в друзья — за это простите. Но я с Вами, с Вашими стихами прошел сквозь 2 года войны, и когда в тяжелые минуты блокады опускались руки, я вытаскивал из кармана маленькую записную книжечку, где переписаны Ваши стихи, читал их себе и товарищам, черпая новые силы. Может быть, в письме это звучит наивно, не спорю, но трудно в нем выразить чувства, испытываемые к Вам и Вашим

произведениям. Но Вы поймете меня. И хочу Вам, хотя бы на расстоянии, крепко, крепко пожать руку и сказать спасибо от всего солдатского сердца, от себя и друзей. Ваши стихи я получал в письмах от друзей с Большой земли и признаю Вам, что часто ждал больше стихов, чем писем. А записную книжку доверял только лучшим друзьям, как самое большое сокровище.

Очень бы хотел иметь Ваши произведения в более полном виде, чем они у меня. Прошу Ваши стихи потому, что люблю их. Ведь «в письмах все не скажется, и не так услышится».

Крепко жму Вашу руку.

А. Штофф.

5

Дорогой товарищ Симонов!

Сегодня я получила письмо несколько необычного вида. Сверху его стояла надпись «партизанское».

Письмо это прислала мне моя сестра, которую я потеряла с начала войны и считала погибшей. В коротком, скупом письме, где каждая строчка, казалось, написана кровью, она мне сообщила, что с момента войны она находится в партизанском отряде, куда ушла со своим 16-летним сыном, что дом ее разрушен, а сын недавно убит.

Мне страшно дороги эти люди, и вы поймете, что я переживаю. Юрочка, сын моей сестры, был чудесным белокурый юношей с очень ясными и приветливыми глазами и очаровывающей всех улыбкой. Он был очень добр и дружбу с товарищем ставил превыше всего. Как все мальчишки, он любил кино, футбол, коньки и шумные игры в войну.

В школе его звали «Юрием Милославским». И верно, он напоминал сказочного русского героя русской обаятельной красотой, шириной своих юношеских плеч, добродушием, храбростью.

Он много читал и все мечтал стать героем. Своим прозвищем гордился, говорил, что он в отца, бойца Красной Армии, сражавшегося в гражданскую войну в Белоруссии и убитого в войну с финнами.

Но вот наступил страшный год войны. В первые же дни дом, в котором жил Юрочка с матерью на «Золотой горке», немец сжег и разбомбил.

Страшные дни переживала Белорусь.

Горели яблоневые сады в тихих переулках с палисадниками, горели чудные новые дома — гордость Минска.

Мать Юры преподавала английский язык.

Эта женщина тридцати пяти лет не захотела покориться немцам и вместе с сыном ушла в партизанский отряд из сожженного и полуразрушенного города. Вот уже третий год она в партизанском отряде

22 июня 1943 г., во вторую годовщину войны, погиб ее единственный сын, сражавшийся рядом с ней в партизанском отряде. От горя она поседела и состарилась. Она пишет, что жизнь ее уже закончена, и только надежда дожидаться нашей Красной Армии и видеть Гитлера побежденным заставляет ее жить и в темные вьюжные ночи в глухом лесу, под шум сосен чутко вслушиваться, устремив взгляд на восток.

Дорогой товарищ! Я знаю, что таким горем, как у меня, полна сейчас вся наша земля. Но все же я очень Вас прошу. Я так люблю Ваш чудесный стих, и поэтому мне так бы хотелось, чтобы Вы написали, как только Вы это умеете, так удивительно просто и так хорошо. Напишите, пожалуйста, про Юрочку Прончатова, молодого белорусского партизана, отдавшего свою только начинавшуюся жизнь за родину. Пусть он будет один из сотни героев.

Напишите, чтобы Ваши стихи напечатали в газете, а газета попала к матери, за линию фронта, чтобы она прочла ее и знала, что горе каждой матери у нас — горе всей страны, всего народа.

Может, я никогда не увижусь с сестрой, но пусть она знает, что здесь о них не забыли; говорят, газеты доставляют в партизанские отряды.

Т. Хрущева.

г. Москва.

6

6 января 1943 г.

Дорогой Константин Симонов!

Сегодня в нашем блиндаже, как в канцелярии: скрипят перья, шелестит бумага, кто-то кому-то вылил на голову склянку с чернилами. В ход пущены трофейные автоматические ручки и бременские карандаши.

Сегодня мы получили «Красную Звезду» со стихотворением «Далекому другу»¹, и все наши гвардейцы-разведчики взялись за перья — переписывают Ваши стихи и шлют их друзьям, любимым девушкам, знакомым и незнакомым. Даже наш лихой разведчик Иван Калаев, для которого легче

¹ «Красная Звезда» 6. января 1944 г.

К. (Исмаилов) с командованием Башкирской кавалерийской дивизии (июль 1942 г.).

взять «языка», чем написать пару строк, тоже что-то там в углу усиленно дышит над листком.

Дорогой Константин Симонов! От имени наших гвардейцев я хочу Вам сказать, как любим мы Ваши стихи и уважаем Вас за то, что Вы больше, чем кто другой, понимаете фронтовиков, которые за два с лишним года войны привыкли ко всему на свете, готовы поверить в собственное бессмертие, но у которых чувства к «далекому другу» только обострились, стали проще и нежней.

Дорогой Константин Симонов! Наши гвардейцы были бы страшно рады получить от Вас парочку строк. Я прочту им их перед боем или выходом в поиск. А наши гвардейцы этого достойны, те, кто упал из наших — падал лицом на запад. Наш разведчик Николай Мухин, будучи в разведке, был ранен в ногу, голову и грудь. Выползая из немецкой траншеи, он встретился с немцем и из пистолета ранил его. Истекая сам кровью, он тащил потом немца на себе метров 400 и в 40 метрах от своих окопов впал в беспамятство. Наши подобрали его и немца. Когда Мухина спросили, как это у него хватило сил тащить немца, он ответил: «Да это же «язык».

С горячим приветом

гвардии капитан А. Ванин.

7

8 мая 1944 г.

Глубокоуважаемый товарищ Симонов!

Прочитав небольшой сборник Ваших стихов, я под их впечатлением написал ответ на Ваше очаровательное стихотворение «Жди меня», которое посылаю Вам, и прошу не отказать в любезности принять его на память от искренно уважающего Вас ценителя Вашей поэзии.

...Прилагаемое стихотворение «Жду тебя» я написал размером Вашего стихотворения, на тот же сюжет и с таким же количеством строк, чтобы выдержать стиль Вашего стиха...

С искренним приветом

майор мед. службы Коханов Е. М.

ЖДУ ТЕБЯ

Жду тебя домой к весне,
Жду я день и ночь.
Мысль о гибельной войне
Отгоняю прочь.

Жду я в дождь, в мороз, в буран, —
Летом и зимой.

Отдохнуть от тяжких ран

Жду к себе домой.

Жду без вести и письма,

Жду наедине,

А когда придет зима,

Буду ждать вдвойне.

Жду тебя, мой дорогой, —

По ночам не сплю,

Потому что всей душой

Я тебя люблю.

Иногда вина бокал

Выпью за тебя,

Чтоб ты храбро воевал,

Родину любя,

Чтоб на смелые дела

Ты огнем горел.

Помни, — я тебя ждала

Так, как ты велел.

Вот уж третий год идет

Страшная война.

Я ждала тебя, как ждет

Верная жена.

Ты меня, мой дорогой,

Тоже не забудь.

А когда придешь домой,

Упаду на грудь.

Буду я, как никогда,

С радости рыдать,

И узнаешь ты тогда,

Как умела ждать.

3 марта 1944 г.

Коханов.

8

24 мая 1944 г.

Товарищ Симонов!

...Недавно в редакции дивизионной газеты («Красный стрелок») появилась рукопись — семь Ваших стихотворений: «Хозяйка дома», «К хозяйке дома», «Мне хочется назвать тебя женой», «Ты говорила мне люблю», «Пусть нам простят за откровенность», «На час запомнив имена», «Я, перебрав весь год, не вижу»¹.

¹ Из цикла «С тобой и без тебя». См. К. Симонов, Стихотворения, 1936—1942, М. 1942 г., стр. 141—200.

Стихи эти увидел я и переписал себе. И хорошо сделал, ибо их как-то увидел наш генерал и взял их у редактора. Так что редакция вынуждена была обратиться ко мне с просьбой дать эти стихи переписать...

Теперь нередко я читаю Ваши стихи солдатам. Один ездовой, на марше, стал просить меня, чтобы я прочел то самое, что читал офицерам два дня назад. Я перебрал несколько вещей, но не угадал, и попросил его припомнить содержание или два-три слова из стихотворения, которое ему понравилось. Он подумал и говорит: «Извини, что я тебя так называю». Конечно, я сразу догадался, что речь идет о Вашей миниатюре: «Мне хочется назвать тебя женой». Это «извини» вместо «прости» меня растрогало. Так близко к сердцу был принят поэтический образ, созданный Вами.

И я стал читать этому ездовому те семь Ваших стихотворений, которыми я располагал...

Желаю Вам здоровья и плодотворной работы.

Ваш С. Козленко.

Дорогой товарищ Симонов!

2 июля 1944 г. исполняется третья годовщина нашей дивизии, созданной из ополчения Киевского района гор. Москвы, ныне 77-й Гвардейской стрелковой черниговской краснознаменной дивизии.

За три года Отечественной войны дивизия прошла большой боевой путь. Она защищала Москву в Великом Московском сражении, громила врага под Сталинградом, приняла участие в Орловской битве летом 1943 г., гнала врага с Украины осенью 1943 г., первую ворвалась в Чернигов, дважды успешно форсировала Днепр, сражалась за освобождение Белоруссии, взяла город Калинковичи.

На всем нашем боевом пути мы никогда не забывали своей кровной связи с трудящимися Москвы, никогда не забывали, что это возлагает на нас особую ответственность — обязывает сражаться с врагом так, как подобает ополченческому соединению Москвы, красной столицы, светоча мира, города, где живет и работает великий Сталин. И мы с гордостью и удовлетворением произносим теперь наименование нашей дивизии — Гвардейской черниговской краснознаменной, потому что это наименование свидетельствует, что свой долг мы выполняем честно.

Сейчас мы находимся всего в нескольких километрах от нашей государственной границы.

Дорогой товарищ Симонов! Вас, талантливого советского поэта и писателя, хорошо знают бойцы и офицеры нашей дивизии. Такие Ваши произведения, как «Убей его»¹, «Жди меня», Ваши корреспонденции с фронтов Отечественной войны знают и читают многие сотни наших бойцов и офицеров, они помогают им в бою, разжигают чувство ненависти к врагу, скрашивают минуты отдыха в перерывах между боями.

Мы приглашаем Вас, дорогой товарищ Симонов, на праздник нашей третьей годовщины — 2 июля 1944 г. С искренней радостью встретят Вас гвардейцы-москвичи. И Вам, мы думаем, будет интересно познакомиться с нашими гвардейцами, за плечами которых долгий, трудный и славный путь.

Командир 77-й Гвардейской стрелковой
черниговской краснознаменной дивизии

Герой Советского Союза

гвардии генерал-майор *Аскаленов*,

начальник политотдела

гвардии полковник *Медеников*.

10

9 декабря 1944 г.

Многоуважаемый товарищ Симонов!

Сейчас у нас на фронте «затишье». «Происходят поиски разведчиков». Вам, как фронтовику, понятно, что это значит.

Так или иначе, у нас иногда бывают те редкие свободные минуты, которыми так скупа фронтовая жизнь. Это и в правду отдельные минуты, когда вспоминаешь, что жизнь идет, что люди, живые люди, ненавидят, любят, борются, умирают. В эти свободные минуты мы вновь почувствовали тоску по слову художника, по строкам, в которых появляется живой человек.

Вы знаете, фронтовики немного грубоватый народ. Они лучше других понимают цену жизни и легче других отбрасывают в сторону мелкие, излишние условности жизни. Так вот фронтовики без заискивания хотят сказать Вам свое слово — слово о Ваших «строках».

¹ «Красная Звезда» 18 июля 1942 г., то же «Комсомольская правда» 19 июля 1942 г. См. Константин Симонов, Война (стихи, 1937—1943 гг.). М. 1944, стр. 38—41.

Урывками, с жадностью набрасываясь на редко попадающиеся тут на фронте хорошие книги, мы в какой уж раз перечитываем вечно волнующие строки, в которых показана жизнь во всем ее сложном многообразии. Но самым волнующим, тем, о чем именно думали мы, являются Ваши строки.

Нам случайно попали в руки Ваши «Пять страниц»¹. Это глубоко лирическая поэма. Мы уважаем личные переживания поэта, тем более что они понятны и слишком близки и нам. И мы зачитывались Вашими «Пятью страницами», замусоленная рукопись которых переходит из рук в руки, размножается и от руки, и на машинке.

Нам попало написанное от руки Ваше «Открытое письмо» (жене фронтовика)². Как хорошо Вы понимаете душу фронтовика!

Мы читали в «Красной Звезде» Ваш рассказ «Корень любви»³. Мы читали его, смеясь до упаду...

Мы любим Вас за то, что Вы сумели перенести все, чем богата наша жизнь, и вновь в Ваших строках звучат бодрость и вера в то, что жизнь хороша. И нам хотелось бы узнать Вас поближе...

Глубокоуважающие Вас полковник *Лебедев*,
инженер *Сребницкий*,
инженер-майор *Алушакво*.

11

1 февраля 1945 г.

Уважаемый товарищ Симонов!

...Я Вам расскажу один небольшой эпизод.

Годы эвакуации я провела в Сталинградской области. У нас на станции после бомбежки осталось несколько детей, матери которых погибли... Месяца через четыре я зашла в больницу проведать приятельницу. И первое, что мне бросилось в глаза, был маленький мальчик, изможденный, с какими-то недетски грустными глазами. Оказывается, это один из пострадавших. Он был ранен и контужен. У меня больно защемило сердце. Я подошла поближе. Мальчик долго и пристально смотрел на меня, потом протянул ручку и сказал: «мама».

¹ «Знамя», 1938, № 12.

² Написано в 1943 г. См. Константин Симонов, Стихотворения и поэмы, М. 1945, стр. 24—30.

³ «Красная Звезда» 14 мая 1944 г.

Когда я уходила, я чувствовала его настороженный, зовущий взгляд.

Я вернулась.

Если говорить правду, я в первую минуту подумала, что не смею его брать, ибо у меня нет для него подходящих условий, и еще, каюсь, мне казалось, что это будет странно звучать — девушка с ребенком.

И вдруг мне показалось, что я увидела на голове у ребенка седой волос. И мгновенно мне вспомнились Ваши строки... «Майор привез мальчишку на лафете...»¹.

Короче говоря, я укутала ребенка и понесла его домой.

Шел снег. Итти было далеко. Но я не чувствовала тяжести. Все во мне пело.

Помню удивленные лица домочадцев. Скоро удивление сменилось хлопотами и заботой. Не подумайте, что я ставлю себе этот поступок в заслугу.

Сыну моему теперь уже примерно четвертый год. Хороший, черноглазый парень. Постараюсь, чтобы он никогда в жизни не почувствовал, что у него нет матери...

В свободное время переписываю товарищам на фронт Ваши стихи и делаю это с огромным наслаждением.

Помню, в Вашем, ставшем теперь столь знаменитым «Жди меня», Вы писали, что ожидание делает человека невредимым.

Пусть Вас, где бы Вы ни были, под Кенигсбергом или Берлином, сделает невредимым мое пожелание.

М. Пуриц.

г. Кривой Рог.

12

16 марта 1945 г.

Уважаемый товарищ Симонов!

Имел счастье прочесть Вашу книгу «Дни и ночи». От чистой души говорю: замечательно! Она должна стать настольной книгой для тех, кто не видал ужасов окопной жизни, кто не чувствовал смертельной боли при виде падающего рядом товарища, боли за невернувшихся из атаки товарищей, святым напоминанием для тех, кто это все видел. Прекрасно, по-моему, показаны волевые качества героев, их рост... Да что говорить. Уже одно то, что я как читатель 17 печатных листов «отмахал» за ночь и только тогда, когда

¹ «Комсомольская правда» 12 апреля 1942 г. См. К. Симонов, Стихотворения, М. 1942, стр. 155—156.

перевернул последний лист, смог вздохнуть и вымолвить: «Ух, черт возьми, хорошо!», — одно это говорит за себя. Книга интересная, тема волнует, герои понятны, близки, сразу видно, что книга написана не в кабинете, а на поле боя, люди взяты не с головы, а с поля боя. Есть книги, которые читаешь так: посмотришь начало и думаешь: «Кажется ничего, прочитаю». С первых же страниц тебя берет недоумение: что это? Книга, рассказ о жизни или сама жизнь? Нет, это не книга, это сама жизнь. Ты вырастаешь в книгу, растворяешься в ней, идешь вместе с героями по их жизни, почему-то всегда сожалеешь, что книга кончилась, и воображение твое идет дальше того, на чем остановился автор. Так и Ваша книга, тов. Симонов. Когда я читал ее товарищам, у многих было выражение лица какое-то другое, особенное, чем обычно. Значит, человек думал, значит это его задело, значит, книга хороша.

Мне кажется, что при всех ее положительных качествах книга имеет одно упущение. Никак не могу поверить, что там, в полуразрушенных домах, не велось никакой политической работы. Неужели остающиеся в живых коммунисты ни разу не собрались, чтобы что-нибудь обсудить, хотя бы просто поговорить, без всяких протоколов, выборов президиума и т. д. Неужели ни один боец, офицер не подал перед атакой заявления в партию. Не верю. Неужели роль комиссара сводилась только к тому, чтобы составлять донесения о политико-моральном духе подразделения. О моральном духе он мог еще писать, но о политическом духе не мог, так как в книге он не ведет никакой политической работы. А ведь эта-то сторона нашей жизни и в тылу, и там, в «конюховском доме», — эта-то сторона и делает нас сильными. Здесь корень всего. Мне кажется, это упущение.

Ждем окончания книги. Безусловно, жизнь Ваших героев можно и надо продолжить. Это будет под Вашим пером и интересно, и поучительно.

Примите мои уверения в моих самых лучших к Вам пожеланиях.

Старшина *Василий Кутин*.

13

31 мая 1945 г.

Уважаемый товарищ Симонов!

Прочитал внимательно Вашу книгу «Дни и ночи», которую недавно получили части округа.

Очень доволен. Сердечно благодарю Вас.

Я не воевал под Сталинградом. В это время мы оборонялись под Воронежем и готовились к наступлению.

Для нас, политработников, эта книга представляет большую ценность.

Что хорошего в Вашей книге?

Во-первых, она написана очень правдиво, без всякой фантазии, как это иногда делают некоторые писатели.

Очень правильно показана окопная жизнь в условиях обороны города.

Видно, что Вы лично изучили всю сложность боевой жизни, заметили все штрихи во взаимоотношениях бойцов и командиров.

Вы показали главное — уверенность бойцов и командиров в победе.

Сколько замечательных боевых примеров, которые можно и нужно использовать сейчас в воспитании молодых бойцов!

Очень было бы хорошо увеличить тираж книги в несколько раз, с таким расчетом, чтобы ее читала широкая масса не только военных, но и людей, работающих в тылу.

Напрашивается законная просьба к Вам — продолжить книгу, т. е. написать вторую часть.

С приветом

зам. начальника политуправления СИБВО

полковник *Молодяков.*

г. Новосибирск.

Алексей Сурков пишет „Гришу Танкина“ (Западный фронт, Смоленщина, июль 1941 г.).

Письма

к

А. СУРКОВУ

1

7 августа 1942 г.

Дорогой товарищ Сурков!

Вспомните Киев, Государственный университет. Актный зал набит студентами. За столом Вы, Александр Жаров и я — в прошлом студент, председатель профкома Университета, а теперь — лейтенант артиллерии. Я тогда руководил вечером. Было просто и очень хорошо. Вы быстро нашли общий язык со студентами Киева, и в актовом зале стало тепло, как в своей квартире.

Большое впечатление произвели на меня тогда Ваши воспоминания о войне с белофиннами. Я и теперь помню Ваше предупреждение: впереди грозные события, мы можем ждать всего и от «друзей», и от врагов.

Вы были правы, когда требовали тогда больше суровости в воспитании молодежи и поменьше «неуклюжей резвости» (шапками-де закидаем). Теперь я часто вспоминаю этот вечер. Война лишила меня Киева, я остался без своего университета. Я стал командиром. Вот уже скоро 6 месяцев я в боях с фашистскими мерзавцами. Где бы я ни был — в разведке, в бою, на коротком отдыхе, — я всегда думаю о том, как бы побольше истребить фрицев и гансов. В первые дни на фронте не было газет. Но вот пришла «Правда» и Ваши стихи. Страна наша родная везде с нами. Что ж, наши неплохо уничтожают фашистских мерзавцев. Много наших товарищей награждено орденами и медалями. Оказалось, что киевский студент-филолог тоже может быть воином и с успехом бить немцев.

Очень много хотелось бы Вам рассказать, дорогой тов. Сурков, и о наших боевых делах, и о хороших войнах, и о том, какую пользу приносят Ваши стихи. Мне так и не удалось в Москве (проездом на фронт) достать последний сборник Ваших стихов. Жаль. Крепко жму Вашу руку.

Лейтенант Новоминский А. Н.

2

30 декабря 1942 г.

Товарищ Сурков!

В «Красной Звезде» от 26 июля 1942 г. я читал Ваши стихи о нашем родном городе («Город О...»)¹. Со мной в одном подразделении есть еще несколько товарищей тоже из этого города.

Вполне естественно, что у нас возникло общее желание обратиться к Вам с просьбой. Вы, вероятно, знаете некоторые подробности о событиях в этом городе в период с 28.VI по 3.VII 1942 г. И вот мы просим сообщить нам то, конечно, что можно, из этих подробностей. Может быть, такая просьба будет абсурдной, но пишу под влиянием Ваших стихов и беседы нашей группы земляков. Подробности нам нужны для того, чтобы полнее предъявить счет фашистскому отребью, чтобы злее и сокрушительнее наносить удары подлому врагу.

Ведь у каждого из нас в этом городе было много близкого и дорогого нашему сердцу. У нас сейчас мстью переполнена вся душа. Ваше письмо еще более усилило бы удары нашего оружия.

Остаюсь с надеждой получить ответ

Сержант С. Якунин.

3

1 июня 1943 г.

Дорогой товарищ Сурков!

Вчера на переднем крае, где расположены подразделения нашей части, пуля немецкого снайпера убила коммуниста Снежкова. В меткости немецкому снайперу не откажешь. Пуля попала в самое сердце бойца. Когда мы достали из

¹ См. Алексей Сурков, Солдатское сердце. Стихи (июль—сентябрь 1942 г.), М. 1943, стр. 7—8.

кармана его гимнастерки партийный билет, из него выпал кусочек бережно хранимого листка газетной бумаги, залитого кровью. Сквозь яркие капли крови — строки стихотворения Алексея Суркова «Родина»¹.

Осинник зябкий да речушка узкая,
Да синий бор, да желтые поля.
Ты всех милее, всех дороже, русская
Суглинистая, жесткая земля.

Многие из нас подумали в этот миг о любви советского бойца к родине. Подумали и о другом — о силе Вашего слова, которое стало любимым у нас, любимым и долгожданным.

Когда в подразделение приносят газеты, то среди вопросов о их содержании неизменно слышишь: есть стихи Суркова? И если есть, читают коллективно, ревностно, поручая это дело лучшему чтецу.

У меня мало слов, тов. Сурков, чтобы передать любовь наших бойцов к Вашим стихам; скажу только, что каждая строка их как-то облагораживает нас, напоминает нам о благородных целях наших, помогает нам любить нашу родину и ненавидеть врагов ее.

Мало того. У многих огрубевших на фронте людей под влиянием Вашим является страстное желание писать. Автор этого письма и благодарен Вам за «грех» этот. Начав писать полтора года назад, я напечатал в армейских газетах и литературных сборниках около 70 стихотворений. «Баянист» — стихотворение, недавно написанное.

Дорогой тов. Сурков! Написал это письмо Вам по настоятельной просьбе бойцов и командиров своего подразделения. От их имени передаю желание быть Вам здоровым и, главное, что больше всего желаем Вам — новых творческих успехов.

С комприветом

зам. командира по п/ч *Вл. Брагин.*

4

Уважаемый товарищ Сурков!

В газетах я не раз читал Ваши стихи. Простые, теплые слова доходят до самого сердца. Все Ваши стихотворения я вырезал и бережно храню их наряду с дорогими моему серд-

¹ «Правда» 16 апреля 1943 г. См. Алексей Сурков, Наступление, 1943, стр. 4—6.

цу фотографиями. Многие листки пожелтели от времени, но они тем и дороги, что вместе со мною прошли по многим дорогам фронта. Сколько раз при дрожащем свете коптилки я вслух читал в блиндаже стихи «Россия»¹, «Русская пляска»² и др. Ваши стихи все очень любят. Нередко после Ваших стихов бойцы уходили за передний край, днями стерегли финнов и увеличивали счет мести. Еще осенью 1942 г. наша рота стала снайперской. Потом я выбыл из этой части. Но где бы я ни был, везде Вы один из самых любимых поэтов-фронтовиков.

Ваши лирические стихотворения больно сжимают грудь, заставляют вспоминать радостную мирную жизнь, заставляют еще крепче сжимать винтовку.

Большое Вам спасибо, дорогой тов. Сурков, за Ваши стихи, за заботу о солдате-фронтовике.

Очень прошу Вас, пришлите томик Ваших фронтовых стихов. Пишите еще такие же хорошие стихи, а мы еще громче будем говорить с финнами-бандитами пулями, гранатами, минами.

Лейтенант *Байков*.

¹ «Красная Звезда» 26 августа 1942 г. См. Алексей Сурков, Солдатское сердце. Стихи июль—сентябрь 1942 г., М. 1943, стр. 26—27.

² «Красная Звезда» 1 октября 1942 г. См. Алексей Сурков, Солдатское сердце, М. 1943, стр. 35—36.

Письма
к
А. ТВАРДОВСКОМУ

1

4 октября 1942 г.

Уважаемый товарищ Твардовский!

Ваша поэма «Василий Теркин» стала событием в жизни нашей части. С нетерпением ожидают бойцы и командиры прибытия газеты с новыми главами Вашей поэмы. «Теркин» стал нашим любимцем.

Мы часто читаем поэму коллективно вслух, и у нас возник спорный вопрос: существует ли в действительности Теркин или это прообраз?

Просим разрешить этот вопрос.

С приветом лейтенант *Шматов*.

2

19 октября 1942 г.

Уважаемый товарищ Твардовский!

Я не имел возможности полностью прочесть Вашего «Василия Теркина», но то, что сумел, оставило очень приятное впечатление. Я получил от Вас точно какую-то награду. Образ фронтовика, хитроумного бывалого солдата, «наиболее идейного» парня Василия Теркина, как и «Алексей Куликов, боец» Б. Горбатова — любимый образ сегодняшнего героя боев. Конечно, Ваш последний Теркин куда лучше того, который появился в финскую кампанию на страницах газеты ЛВО «На страже родины». Острые изречения Теркина ста-

новятся афоризмами, которыми наши бойцы любят украшать свой разговор: «Тула, Тула. Это ж я... Тула ...Родина моя»¹ — любимый стих.

Я не знаю, будет ли Василий Теркин противотанкистом, но истребители танков — наши гвардейцы — хотят видеть в нем не только бывалого солдата, но и советского гвардейца-артиллериста. А ведь он у Вас настоящий гвардеец, такой же, как наши.

От имени гвардейцев, ваших читателей, передаю нашу благодарность за «Васю Теркина».

С приветом и уважением к Вам

Георгий Шубин.

3

15 января 1943 г.

Здравствуйте, Александр Твардовский!

Шлю я Вам, создателю всем известной поэмы «Василий Теркин», свой фронтовой, гвардейский привет и поздравляю с созданием поэмы. Я не мог не написать Вам, так как много накопилось мнений о ней, и я хочу передать их Вам... Как-то случайно к нам попал журнал «Красноармеец», в котором было напечатано начало Вашего произведения². Я прочитал ребятам его, все очень заинтересовались. Порой после боевой работы, вечером, когда мы все собираемся, меня просят еще прочитать, и так его все полюбили, что мы почти каждый вечер перечитывали снова и снова. Затем достали остальные номера журнала и прочитывали опять с начала до конца.

Легкость слога, простота и интересное содержание всем так понравилось, что все стали заучивать наизусть отдельные строфы. Я заучил сначала раздел «Переправа», потом «О награде» и «Два солдата». Мы своим дружным веселым коллективом часто собираемся повеселиться в свободную минуту. И как узнали ребята, что я знаю наизусть, так не стали давать проходу — заставляли рассказывать. Особенно

¹ Из главы «Теркин ранен»: «Правда» 23 сентября 1942 г. или «Красноармеец», 1942 г., № 17 (в «Правде» за 20 сентября 1942 г. были напечатаны начало поэмы и глава «Переправа», 26 сентября — глава «Гармонь»). Первая часть поэмы печаталась в журнале «Красноармеец» за 1942 г. № 16, 17, 18).

² Поэма «Василий Теркин» печаталась в журнале «Красноармеец»: 1942 г. № 16—18; 1943 г. № 1—4, 7—10, 12, 15; 1944 г. № 6—8; 1945 г., № 13, 14.

А. Твардовский выступает в освобожденном Смоленске.

им понравилось «О награде». Как раз я в это время получил награду—медаль «За отвагу». Ну вот меня везде и прозвали «Теркин» — наш герой». Случилось недавно мне быть в доме отдыха. Там собиралось по вечерам много молодежи, из соседних деревень девушки, так и здесь меня каждый вечер заставляли рассказывать. Это Ваше произведение все так уважают и ценят, что хоть каждый вечер его читай, и все будут слушать.

Недавно мне пришлось выступать на нашей самостоятельности. И здесь я рассказал «Переправу» и «О награде», и так мне хлопали и аплодировали, что пришлось выходить несколько раз...

За мной осталось имя «Василий Теркин». Уже не зовут Скрипник Михаил. Даже на моем самолете написали «Теркин», и он достойно оправдывает его имя, так же, как и Ваш герой. Я думаю, что так же, как и нас, всех защитников нашей страны волнует и радует Ваше произведение. Меня летчики и техники просили передать Вам свой гвардейский привет и пожелать дальнейших успехов в Вашей работе. У нас нет такого дня, где бы Вы не нашли действий, подобных Теркину, и нет такого часа, чтобы кто-нибудь да не вставил в разговоре выдержки из «Теркина».

С нетерпением ждем продолжения поэмы. Так уж за каждым номером и следим. Все жаждут узнать конец: чем же все дело кончится.

Гвардии ст. воентехник *М. Скрипник.*

4

13 марта 1943 г.

Товарищ поэт!

...Сегодня мы начинаем читать вторую часть Вашей поэмы «День в лесу»¹. В этом вступлении мы, читатели, вместе с Вами чувствуем горячую любовь к родине, к родным местам Смоленщины.

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная!
Край недавних детских лет,
Отчий край — ты есть или нет?

Я чувствую, что из-за любви к родине Вы посылаете своего героя в леса Смоленщины, в родные мои леса, где

¹ «День в лесу», IV глава 2-й части. См. «Красноармеец», 1943, № 3.

Лес — как лес:
Ольха, орешник,
Дуб, сосна, береза, ель,
И с веселой силой вешней
Все заплывший дикий хмель...

— в леса, где наши братья, сестры, матери и отцы, внуки Дениса Давыдова, не упав на колени перед чужеземцами, ведут партизанскую борьбу, помогают Красной Армии — армии-освободительнице.

Мы бы хотели, товарищ поэт, чтобы Ваш герой Василий Теркин сумел пройти в наш родной поселок «Починок», посмотрел бы там на родные поля, на любимые места нашего детства и юности, узнал бы, что с ними стало, узнал бы, где же наши матери-старушки, где же наши дома родные.

Пусть Ваш герой совместно с товарищами-партизанами отомстит проклятому врагу за все страдания нашего народа.

...Товарищ поэт, в годы счастливого процветания нашей любимой родины, когда весь наш народ и мы, смоляки, были заняты почетным трудом на благо нашей родины, а наши юноши и дети — плодотворной учебой, тогда на литературной страничке газеты «Рабочий путь» мы читали стихи и поэмы наших поэтов-земляков Александра Твардовского и Михаила Исаковского. И сейчас, в трудные для нашей родины дни, когда часть нашей родной земли находится под пятой немецкого сапога, мы слышим голос наших поэтов-земляков, призывающих к великой мести. Нам этот голос знаком. Мы к нему прислушиваемся, и он нам становится родным.

Гвардии капитан Федоров,
гвардии капитан Момсенко,
гвардии лейтенант Захаров.

5

21 марта 1943 г.

Дорогой товарищ Твардовский!

Пишет Вам режиссер и актер Киевского ордена Ленина академического театра им. Ивана Франко Микола Осипенко.

Я работаю сейчас художественным руководителем одного из фронтовых ансамблей. Ваш «Василий Теркин» — неизменный репертуар нашего ансамбля. Я читаю главы «Гармонь», «О награде», «Еще о награде», «Генерал».

Сцены «Сабантуй» шли у меня как эпизод в большой концертной программе всего ансамбля. Я не могу не поделиться

с Вами той огромной радостью, которую испытываю я как постановщик и как исполнитель всякий раз, как выступаю с «Теркиным». Даже на одном из последних концертов в полевом госпитале среди только что привезенных тяжело раненых одно объявление, что сейчас будут прочтены отрывки из поэмы «Теркин», вызвало столько восторженных восклицаний — «О, Теркин! Давай, давай!» и т. д., — что я буквально растерялся. Сколько таких Теркиных лежало рядом. Кто-то застонал, а сосед ему: «Эй, ты! Как не совестно. Хороший раненый, как Теркин, всё должен перенести», и аплодировал одной рукой о руку соседа в знак благодарности. К сожалению, поэма доходит к нам частями и с большим опозданием. Я прошу Вас, пришлите мне в рукописи всю уже написанную часть и если есть новые главы, чтобы к 1 Мая я смог включить ее в праздничную программу.

Жду. Ваш Микола Осипенко.

«О награде» пользуется совершенно исключительным успехом.

6

25 июня 1943 г.

Товарищ Твардовский!

Я имею пять сыновей. Сам нахожусь на фронте. Старший сын тоже был на фронте, но он погиб смертью храбрых в ноябре 1942 г. Остальные 4 сына в возрасте 14, 11, 7 и 5 лет меня донимают письмами — напиши им, где я нахожусь, что делаю, и вообще просят, чтобы я им полностью описал быт солдата-фронтовика, чего я сделать не в состоянии. Прочитав отдельные части поэмы Вашей «Василий Теркин», я решил попросить Вас послать моим ребятам одну-две книги этой поэмы. Прочитав ее, они смогут себе представить нашу фронтовую обстановку.

Указанные книги прошу направить наложенным платежом по адресу: п/о Завидово, Калининской обл., Северная ул., 11, Яшкину Вале и Вите. Если есть возможность, прошу выслать одну и мне. Для детей я прошу не отказать в моей просьбе, так как эта книга ясно им расскажет о быте нашего русского солдата и удовлетворит вполне их детское воображение.

С красноармейским приветом Н. Яшкин.

30 апреля 1944 г.

Уважаемый товарищ Твардовский!

Я слышал на фронте рассказ о Васе Теркине. Может быть, он Вас заинтересует.

На одном участке Вася взял в плен немецкого офицера. Им предстояло перебраться на другой берег реки, и в ожидании переправы фашист стал хвастаться немецкой техникой. В доказательство он взял в рот папиросу и зажег зажигалку, пытаясь прикурить, приговаривая: «Вот это техника!» Тогда Вася внезапно задул ему огонь и, свернув себе добрую цыгарку, достал трут и кремень и, мгновенно, выбив искру, поднес трут к носу фрица, говоря: «Я твою технику победил, победи теперь ты мою». Как фриц ни дул, трут только сильнее разгорался.

Может, это для Вашей поэмы не подходит, но на фронте этот рассказ пользуется огромной популярностью.

С приветом К. Зарин.

г. Вышний-Волочек.

... 1944 г.

Товарищ Твардовский!

Считаю своим солдатским долгом послать свою благодарность в связи с появлением 3-й части¹ книги «Василий Теркин».

Мы, читатели «Красноармейца», — солдаты, просто в торговле. Когда читаешь книгу Вашу, где описана в самых простых и действительно фронтовых словах наша фронтовая жизнь, вспоминаешь и «подсолнух Малороссии», и «мирный запах теплой ржи», и «деда», и все, что так дорого каждому, кто с любовью вспоминает это в землянке или в окопе.

В жизни Теркина чувствуешь свою жизнь. И поэтому Вашу книгу так любят здесь, на передовой.

При чтении Вашей книги Вы могли бы, присутствуя, услышать и от безусого солдатика, и от старого усатого «гвоздя войны» — ефрейтора: «Молодец Твардовский», «толково, просто», «по-солдатски», «наверно, этот самый Твардовский тоже живет на переднем», и тысячу разных мнений и замечаний. Появление Вашей книги — это целое событие.

¹ «Красноармеец», 1944 г., № 6. В этом номере были напечатаны главы «От автора» и «Дед и баба».

Я не мог описать все подробно и хорошо. Думаю, что и этими словами я выражу свою и солдатскую благодарность.

Желаю Вам успеха. Пишите. Ждем.

Старшина первой статьи *Петр Прудников*.

12 августа 1944 г.

Дорогой товарищ Твардовский!

Вы, наверное, получаете столько отзывов о Вашей поэме «Василий Теркин», что не успеваете их читать. Но мне все-таки хочется лично сказать Вам о Вашей поэме. Я читал ее только открывками в журнале «Красноармеец». Но эти отрывки я перечитываю без конца, и каждый раз с удовольствием, и каждый раз нахожу что-то новое, что зацепит за душу, взволнует или поразит своей тонкой мыслью... Помню, как меня и моих товарищей поразила Ваш рассказ «Переправа». Это рассказ о том, как переправа сорвалась, но он в десять раз оптимистичнее всех других, самых победных рассказов. И написано так, что абсолютно все себе представляешь. Душевно так и жизненно. Память об этой главе сохранилась у всех. И когда мы одними из первых форсировали Днепр, многие приговаривали, подбадривая друг друга: «Переправа, переправа, берег левый—берег правый»...

А какой замечательный рассказ «Два солдата»! Читаю и просто упиваюсь. И как он правит пилу, и как кушает, и как беседует со стариком, и как старуха сала не хотела дать—ведь это именно так было в те времена. Вы как будто сами при этом присутствовали. Я не знаю, были ли Вы лично на фронте, но фронтовую солдатскую жизнь Вы знаете исключительно. Это поражает каждого, кто читает Ваше произведение. В главе «Кто стрелял?» так описана бомбежка, что будто Вы только что встали с земли после ухода Юнкерсов, «защитясь от смерти черной только собственной спиной». Я-то все это знаю на личном опыте. Потрясающе написано, как молодцеватый бывший конник-лейтенант вел свой взвод в атаку, словно это был сам Суворов. И как след его прервался на снегу: «Я не ранен. Я убит». Я не очень-то любил раньше читать стихи, но Ваши стихи читаю с каким-то особенным удовольствием. Как-то у Вас сочно, ловко всё получается...

Мне хочется сказать о самом замысле Вашего произведения—поэмы о рядовом солдате пехоты. Это как раз то, что

необходимо сейчас... Главное лицо на войне — это солдат, сержант и лейтенант (командир взвода, роты, эскадрона, батареи). Если б я стал выписывать все поразившие меня места поэмы, то Вы едва ли не получили бы переписанным половину «Теркина». Когда после войны я приеду домой (а я почему-то уверен, что все-таки буду живой), то куплю всю Вашу поэму, и она будет одной из самых почетных книг у меня...

Если Вы захотите, я смогу писать Вам регулярно о всем виденном. Я — старший сержант. Езжу на коне. Работаю в батарее. Непосредственно на фронте я с июня 1942 г., хотя в армии с 1940 г. Воевал во многих местах. Приходилось и отступать и наступать обратно. В марте 1943 г. пришлось участвовать в переправе через Сев. Донец, но только в обратную сторону. В ноябре 1943 г. участвовал во взятии г. Житомира.

... С нетерпением жду дальнейших глав поэмы. Как Теркин вернется в родную сторону? Узнают ли его там сразу? Очень бы интересно прочесть, как Теркин полюбит какую-нибудь девушку. (Мне говорили — я сам не читал, — что есть такая глава «О любви») ¹. Интересно, как Теркин будет относиться к военным девушкам и вообще к вопросам любви во время войны... А Теркин — это образец. Как он сделает, — значит, это правильно. Простите, что задержал Вас. Я сейчас сижу в спокойной обороне на своем К. П. Даже выстрела не услышишь за целый день. Так что у меня есть время...

Крепко жму Вашу руку.

Ст. сержант А. Родин.

Фронтовой привет Вам, дорогие товарищи — сотрудники Воениздата ², всем, кто хотя самую маленькую частицу своего труда внес в произведение товарища Твардовского «Василий Теркин». Нельзя пройти мимо, чтобы не сказать Вам, тов. Твардовский, своего красноармейского фронтового спасибо за Ваше произведение, которое я с большой охотой как для себя, так и для бойцов подразделения несколько раз перечитывал.

¹ Глава «О любви» напечатана в журнале «Красноармеец» за 1943 г. № 8.

² А. Твардовский, Василий Теркин, Воениздат НКО, 1944.

Лично я плохой ценитель литературы вообще и поэзии в особенности, но в этом и нет необходимости,—поэма так красочно и всесторонне рисует моменты нашей боевой фронтовой жизни, и я очень рад, что боевая обстановка данного момента позволила мне в знак признательности Вам написать данное письмо, на что в другое время она так скупится.

Нужно долго пробыть на фронте, на передовой вместе с бойцами, побывать под пулями, бомбежкой, артогнем, чтобы так всесторонне воспринять и передать в стихах быт солдата, оборот солдатской речи как в бою, так и в походах и на отдыхе.

Простые русские слова, меткие выражения, очень хорошо срифмованные и не лишенные юмора, легко понятны и с интересом читаются бойцами, а моменты, описанные Вами, очень близки к правдивости и заставляют невольно подумать: а нет ли в самом деле среди нас Теркиных? И они действительно находятся в лице весельчаков, плясунов, балагуров в каждой части, в каждом подразделении, и уж, конечно, они отличные бойцы.

Читая Ваши стихи, вновь пред нами встают пройденные рубежи, форсированные реки, переправы, болота, пережитые трудности и опасности, а также удачи и неудачи. Все произведение проникнуто знанием фронтовой жизни со всеми ее радостями и невзгодами.

...В общем все стихи дают большое удовлетворение и душевный отдых на досуге. Побольше бы такой литературы на фронт, а я лично просил бы Вас, тов. Твардовский, выслать, если можно, на мое имя и другие Ваши стихи, когда-либо Вами выпущенные. Я был бы Вам признателен.

Я простой боец, минометчик, по специальности булочник, вырос в Москве. На войне с 6.VII 1941 г... Все описанное мною примите, тов. Твардовский, как должное от меня и от бойцов.

Остаюсь с товарищеским приветом красноармеец
Логинов Иван Федорович.

Лауреату Сталинской премии А. Твардовскому.

Примите от бойцов и командиров нашего подразделения горячий боевой привет и мою искреннюю признательность за Вашу плодотворную, правдивую творческую работу.

Пехотинцы, — бойцы и командиры, гордятся Вами, так как никто в нашей печати не отображает героiku пехоты так, как

Вы отображаете ее в лице Василия Теркина. Ваша творческая работа в журнале «Красноармеец» пронизывает всю глубокую, тяжелую, но зато почетную, гордую пехотинскую думу. Ваше творчество еще больше воодушевляет нас, пехотинцев, на новые подвиги в борьбе с заклятыми врагами свободы и культуры — немецкими оккупантами.

Полностью разделяю Ваше мнение о матушке-пехоте... Ваше искреннее уважение и любовь к владычице-пехоте, перед которой трепещут просторы полей, скалистые горы, дремучие леса и поросшие мхами болота, — справедливы.

Бойцы гордятся Вашими призывами: «Обратите нежный взгляд, девушки, к пехоте».

Желаем Вам, тов. Твардовский, от всей души прекрасного здоровья, плодотворного труда в Вашей созидательной работе. Заверяем Вас, что мы, пехотинцы, не осрамим Василия Теркина, продолжим его героический боевой путь новой неувядаемой славой в разгроме фашистов.

Это маленькое письмо меня просили написать бойцы, и, если Вас не затруднит, ответьте, правильно ли понимают бойцы «Василия Теркина».

С приветом ст. лейтенант *Марк Пахомович Игнатьев.*

12

А. Твардовскому.

ГДЕ ТЕРКИН?

На привале шутки, толки
И кто-то сказал:
Где-то наш Василий Теркин,
Где он запропал?
Друг похода, забияка,
Все понять умел;
Настоящий был вояка, —
Сметлив, честен, смел.
Кто врага вперед раскусит
И обманет кто?
Теркин — парень в нашем вкусе,
Парень на все сто.
Веселя в часы досуга,
Помогал в беде,
Потерять такого друга...
— Где ты, Вася, — где?

Может быть, ушел в разведку,
Потому молчишь,
И с присущей тебе сметкой
Там врага громишь?
✓ Верим, снова будет Теркин
С нами, как всегда.
Без него — не та махорка,
И не та вода.
Нет, не зря народ встревожен
Теркина судьбой,
Он нам стал еще дороже
В предпоследний бой.
Нет, нас Теркин не покинет,
Раз он обещал
Бабке побывать в Берлине...
— Будет. Раз сказал.
Смел он, смерть его боится,
Обходя вокруг.
Скоро ль Теркин возвратится.
В наш солдатский круг?..

Восхищение образом Теркина побудило меня написать о нем стихи, если так можно назвать мою попытку.

Ефрейтор Зуев.

Письма
к
М. ИСАКОВСКОМУ

1

8 октября 1942 г.

Уважаемый товарищ М. Исаковский!

Пишет Вам актриса Камерного театра Варвара Беленькая. Будучи на фронте в сентябре 1942 г., я исполняла одну Вашу вещь, и, очевидно, Вам как автору интересно знать, как она принималась бойцами, командирами, полегработниками, колхозниками и т. д. Читала под гармонь «Крутится, вертится шар голубой»¹, пела в сопровождении баяна (как будто идет и поет парень) и без баяна куски читала. Получилось, кажется, неплохо. Принимали серьезно, плакали, начиная с бойцов и кончая командирами, а если попадались старухи, так они вздыхали, плакали и опять вздыхали. Пишу Вам потому, что думаю Вам это интересно знать. Даже была такая оценка одним колхозником, что, дескать, прослушав эту вещь, можно и в бой пойти. Это оценка не единственная. Живя на фронте, вблизи от бойцов, я убедилась, что после концерта обязательно поют эту вещь и если есть баян, то и играют ее на баяне. Очень многие после концерта приходили, просили переписать, и я им диктовала текст.

У меня к Вам просьба: написать для меня еще одну вещь в таком же плане. Очень удачно то, что Вы взяли человека (в данном случае парня), и он у Вас органично введен в действие, т. е. зритель все время следит за его поведением. Трудно доходят стихи, в которых нет действующих лиц, ко-

¹ «Комсомольская правда» 4 апреля 1942 г. См. М. Исаковский, Новые стихи, М. 1942, стр. 16—18.

торые написаны, так сказать, отвлеченно, т. е. не об одном человеке, а обо всех. Это тоже нужно, но не во всем стихотворении.

Сейчас хочу делать другое Ваше стихотворение — «В прифронтовом лесу»¹, а под баян — «Осенний сон».

Комиссары, бойцы просят помочь материалом, где было бы о «дисциплине» и о «ненависти». Но лирику тоже любят, скучают по ней и слушают с большим удовольствием. В одной части очень увлекаются «Землянкой» Суркова. Приписали два новых куплета о том, что кончится война и жизнь чудесная вновь расцветет и снова встретятся с ней и песню счастья, как прежде, пропоют. Пишу Вам потому, что это мое свежее впечатление о том, что нужно, пишу как свидетель восприятия Вашей вещи...

...Мое впечатление о фронте. Люди там замечательные: крепкие, здоровые духом, жизнерадостные, благородные, как никогда верят в победу, стойкие, всегда в боевой готовности. И, конечно, скучают о доме, о близком человеке — жене, девушке, сыне. Замечательные души, сердца у наших фронтовиков. Именно русская, широкая натура, большая душа...

..Простите, что занимаю Ваше время...

Шлю горячий привет В. Беленькая.

2

28 октября 1942 г.

Товарищ Исаковский!

Я прочитал Ваше стихотворение «Прощальная», напечатанное в газете «Правда» от 26 октября 1942 г.², и был до глубины души тронут им. Я знаю, что Вы уроженец Смоленской области и прожили там много лет. Я тоже Смоленский, Дорогобужского района. И вот поэтому-то Ваше стихотворение и дошло до глубины моей души. Вы прекрасно знаете жизнь девушек Смоленской области. Их характеры, нравы, обряды, их прогулки по полям, опушкам леса, холмам, рекам, их звонкие голоса, пепельные косы. И вот этот цветущий край, в котором мы родились и прожили так много счастливых дней, край, где мы любили и были любимы, — все, все, что так дорого сердцу, теперь истоптал немецкий кованый сапог, одетый на ноги тупых, холодных и бездушных извергов чело-

¹ «Правда» 21 сентября 1942 г. См. М. Исаковский, Наказ сыну, М. 1943, стр. 50—52.

² См. М. Исаковский, Наказ сыну, М. 1943, стр. 53—55.

М. Исаковский (в центре) и А. Сурков (второй справа) среди молодежи (1943 г.).

вещества. Они безжалостно топчут и разрушают все, что нам так дорого. И вот, как вспомнишь все то чудесное, так сердце обливается кровью и нарастает такая злоба и ненависть к немецким извергам, которым нет предела.

Я, как смоленец, как сын великой родины, отдам всю кровь по капле за освобождение наших цветущих краев, за наших милых девушек смолячек. Я буду беспощадно громить и уничтожать фашистских людоедов, забравшихся в наши края.

Пиши, земляк, больше, пиши о Смоленщине. Призывай нас к лихим битвам с ненавистным врагом.

Желаю Вам многих, многих лет и плодотворной работы. Остаюсь с величайшим уважением к Вам

Блохин.

3

26 ноября 1942 г.

БОЕВОЕ СПАСИБО М. ИСАКОВСКОМУ

2.XI.1942 г. в № 306 газеты «Правда» было напечатано стихотворение М. Исаковского «Припомним, друзья и подружки...»¹, где правдиво, с глубокой любовью говорится о преодолении трудностей, связанных с эвакуацией и восстановлением в глубоком тылу одного из оборонных заводов нашей любимой родины.

Читая бойцам это замечательное, полное энтузиазма стихотворение, мы ясно видели, как переживают бойцы то, что у коллектива завода осталось уже за спиной.

У камелька, обогревающего бойцов, читают:

Весь свет застлала пороша, —
Пройдешь — и не видно следов...
И все же мы вынесли ношу,
В которой сто тысяч пудов.

Как только закончилось это четырехстишие, бойцы перевели дыхание и кто-то кинул реплику: «Да, наш народ ради разгрома фрицев готов вынести сто тысяч пудов».

А читающий продолжал:

И все же, — хоть тяжело нам было, —
Спасли, отстояли завод.
И вот он — на полную силу
Работает, дышит, живет!

¹ См. М. Исаковский, Наказ сыну, М. 1943, стр. 63—67.

За эти строки, за рабочих, восстанавливающих заводы, с любовью несших свое личное счастье на алтарь героического труда, за них и рады бойцы, и они в нетерпении торопят читающего, а он уже через короткое время заканчивает:

Пусть ночи встанут гробовые
Над тем, кто нацелился в нас,
Пусть наши часы боевые
Пробьют его смертный час!

После чтения стихотворения наш коллектив уходил на передний край в непроглядную осеннюю ночь, чтобы осуществлять Ваши слова: «пусть ночи встанут гробовые». Разведчик подразделения, где зам. командира по политчасти ст. лейтенант тов. Хабибуллин, сказал: «Да, мы сделаем все, чтобы ускорить смертный час фрицев». И он скрылся в ночи.

Лейтенант части 127 Н. Р. Ершов,
красноармеец-агитатор М. И. Борзаков.

4

1 января 1943 г.

Многоуважаемый товарищ Исаковский!

Пишет Вам техник-лейтенант II ранга по воинскому званию, по должности полковой начальник аптеки, по возрасту 57-летняя женщина, точнее старуха. В своей части являюсь чтецом художественных произведений. Ваше стихотворение «Рассказ старухи»¹ читала наизусть на конкурсе чтецов и заняла первое место, а теперь читаю его больным, раненым. Стихотворение имеет большой успех. Я читаю также Ваше стихотворение «Гитлеровская Германия»². Во-первых, разрешите Вас поблагодарить за доставленное удовольствие от моего имени и от имени наших раненых, во-вторых, напишите для меня стихотворение, которое я бы им читала. Я мать, у меня есть сын-командир, о котором я уже давно ничего не знаю. Буду Вам очень благодарна. Я в армии с 25.VI 1941 г. У нас еще читают «Прости-прощай»³. Все Ваши стихотворения пользуются большим успехом. Простите за беспорядок.

С уважением Б. Гатова.

¹ «Правда» 12 декабря 1942 г. См. М. Исаковский, Наказ сыну, М. 1943, стр. 43—49.

² «Правда» 15 октября 1942 г.

³ «Правда» 26 октября 1942 г. «Прощальная» См. М. Исаковский, Наказ сыну, М. 1943, стр. 53—55.

25 февраля 1943 г.

Товарищ Исаковский!

Простите меня за беспокойство, но Вам, нашему поэту, я решил написать от всех красноармейцев своего отделения.

Примите наш фронтовой привет и пожелание Вам плодотворной работы на счастье нашего народа.

...Сегодня читал Ваше стихотворение «Прощальная».

В землянке темно. Бойцы сидели, шутили между собою, подводили итоги боевого дня.

При чтении Вашего стихотворения все стихли, опустили низко головы и после, как кончил читать, минут пять все сидели в том же положении, не проронив ни единого слова.

Я буду прав, если скажу, что у каждого смоленского, вяземского, орловского парня была любимая Татьяна.

Когда Татьяна говорит:

Далекий мой! Пора моя настала,
В последний раз я карандаш возьму...

.....
Прости-прощай!..

.....
...Письмо тебе писала я слезами

Печалью запечатала своей...

Прости-прощай!..

поверьте, что никакое другое слово не может так поднять в атаку на врага, как Ваши слова, тов. Исаковский.

Горе, горе становится поперек горла у каждого, и это горе может быть проглочено только тогда, когда каждый из нас убьет фашиста.

Зерно Вашей поэзии падает как раз на благодарную почву.

«Туманы мои, растуманы»¹ — широкое, свободное стихотворение с полной надеждой на скорую победу. Смоленские туманы. Они выходят узкой полосой из чистого озера с песчаным дном, затем широко расстилаются по низким местам, заполняют все неровности, и получается ровная, чистая гладь, широкая, свободная.

Партизанское движение из малого, одиночного сливается в общее, большое, грозное. А Ваши слова, чистые, простые, понятные, легко укладывают в «душу» смысл событий.

У нас есть гармошка и гармонист, но гармошка настолько потрепана, что когда гармониста усаживаем играть, всем

¹ Агитатор и пропагандист Красной Армии, 1942, № 24 (обл.). См. М. Исаковский, Стихи и песни, М. 1944, стр 101.

отделением замазываем мякишем хлеба щели в гармонии, а так как это непрочное, то выбираем для игры лучшее. И каждый раз просим гармониста исполнить «И кто его знает»¹, а также «У колодца»², «Катюша»³. На остальных песнях гармошка уже расклеивается. Мы, конечно, на свою гармошку не обижаемся. Она очень удобно разбирается на части, и по первой боевой тревоге один берет в карман голоса, другой — планки и мехи в вещевой мешок.

О себе могу написать коротко. С начала Отечественной войны на фронте. Служил красноармейцем, сейчас сержантом. Лекций о Вашей поэзии никогда не слушал, а поэтому простите за чрезмерную откровенность и за, возможно, некоторые ошибки и недопонимания.

А что хорошо, то признаем чистосердечно и глубоко уважаем.

С приветом Козлов.

¹ Написано в 1938 г. См. М. Исаковский, Избранные стихи и песни, М. 1940, стр. 91.

² Написано в 1939 г. «Шел со службы пограничник» (У колодца). См. М. Исаковский, Стихи и песни, М. 1944, стр. 57—58.

³ Написано в 1938 г. См. М. Исаковский Стихи и песни, М. 1944, стр. 51.

Вас. Гроссман (на переднем плане) в разрушенном Торжке (Калининский фронт, 1942 г.).

Письма

к

В. ГРОССМАНУ

1

28 июля 1942 г

Товарищ Гроссман!

Я регулярно читаю по мере получения Вашу повесть «Народ бессмертен» в газете «Красная Звезда»¹.

Ваше произведение помогает мне найти методы работы, мобилизует как меня лично, так и бойцов подразделения на новые подвиги, на освоение и лучшее применение врученного нам родиной оружия для борьбы с противником. Наша гвардейская часть имеет немало заслуг и подвигов, числит на текущем счету около 30 000 уничтоженных гадов и немало техники, имеет немало людей, отмеченных партией и правительством за мужество, отвагу и героизм, но имеет и недостатки. И ваша повесть в замечательной, легко доходчивой форме помогает их почувствовать и исправить. Лично мне она уже крепко помогла и помогает в воспитании бойцов и командиров. В частности я использовал главу «В штабе полка». Приношу Вам сердечную благодарность за то, что Ваше произведение учит, воспитывает и будет воспитывать. Буду стараться жить, работать и крушить врага, учась и беря пример с лучших сынов нашей родины в прошлом и настоящем, следуя заветам и указаниям великих вождей народов, незабвенного Владимира Ильича Ленина и нашего родного любимого Сталина. Желаю, чтобы Ваша повесть имела широчайший успех, чтобы она была внимательно прочитана и продумана каждым комиссаром, командиром и бойцом Красной Армии, чтобы каждый из них брал пример с героев Вашей

¹ Повесть «Народ бессмертен» печаталась в «Красной Звезде» в июле—августе 1942 г.

повести и в своей работе и борьбе выжал из себя все, на что он способен, до последнего атома. Желаю долгой жизни и доброго здоровья, плодотворной гвардейской работы.

Прошу, когда Ваша повесть выйдет отдельным изданием, прислать в нашу часть несколько экземпляров. Конечно, если Вас это не затруднит.

Извините за небрежность написанного, но переписать нет времени, так как две минуты назад получил задание командования пойти в тыл врага со специальной целью. Обещаю Вам выполнить задание по-гвардейски. Надеюсь вернуться и читать Ваше произведение по мере получения «Красной Звезды».

Уважающий вас гвардии младший политрук *Кузьмин*.

2

19 августа 1942 г.

Уважаемый товарищ Гроссман!

Ваша повесть «Народ бессмертен», напечатанная в «Красной Звезде», принесла всем нам огромное удовольствие. Созданные Вами герои типичны для сегодняшнего военного часа. У них бьются в груди благородные русские сердца. Они окружают нас, они живут среди нас.

Повесть написана со знанием материала. Особенно Вам удалось прекрасно осветить военные операции. Ваше произведение, глубоко продуманное, местами даже проблематично.

Как жаль, что «Народ бессмертен» уже законченное произведение. Хочется верить, что Вы его еще будете продолжать. Желаю успеха.

С приветом, командир эскадрильи капитан *Патровец*.

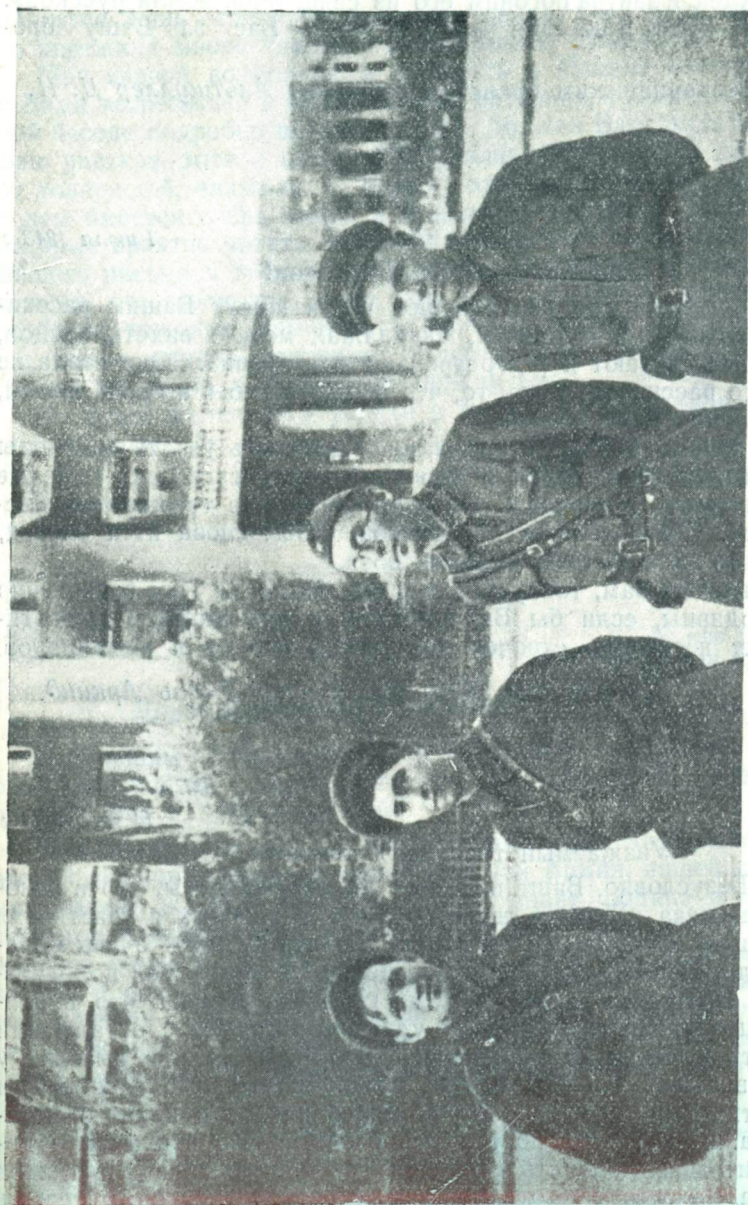
3

11 января 1943 г.

Многоуважаемый товарищ Василий Гроссман!

Я прочел Вашу брошюру «Направление главного удара»¹, и у меня возникло желание поблагодарить автора за столь замечательное изложение правдивых черт наших людей, их героической стойкости в защите Сталинграда. Такая брошюра, можно смело сказать, принята на вооружение Красной Армии, как грозное оружие в борьбе с фашизмом. Она дает энергию для больших подвигов, на которые способен русский

¹ «Красная Звезда» 25 ноября 1942 г. То же, «Правда» 26 ноября 1942 г., Отд. изд. Василий Гроссман, Направление главного удара Воениздат НКО, 1942.

Все, Гроссман (второй справа) у здания Сталинградского обкома партии (5 сентября 1942 г.).

человек. Мне хочется сказать словами Кутузова: «Неприятель побежден, и завтра погоним его из священной земли русской».

Это будет так. Еще раз благодарю Вас за Вашу брошюру.

С товарищеским приветом старшина *Альтшуллер Д. И.*

4

1 июля 1943 г.

Дорогой товарищ Гроссман!

Последние дни все в нашей части живут Вашим рассказом «Жизнь»¹. В окопах, блиндажах можно видеть бойцов, которые читают и разговаривают о «Жизни». Она стала не просто рассказом, а чем-то, что вошло в плоть и кровь людей, познавших цену жизни.

И нашим бойцам и командирам довелось узнать — походы по бездорожью, голод и короткий сон в сугробах, тяжелые бои и смерть товарищей. Но люди стали еще тверже, еще уверенней. Сейчас они ждут приказа, чтобы снова идти вперед, принять на себя всю тяжесть боев.

Спасибо Вам, товарищ Гроссман. Были бы Вам бесконечно благодарны, если бы Вы написали в дивизионную многотиражку несколько строчек для наших бойцов и командиров.

С приветом. Жму Вашу руку *Эмиль Аркинд.*

5

14 мая 1944 г.

Уважаемый товарищ Гроссман!

...Безусловно, Ваше письмо с подтверждением, что в основу рассказа «Жизнь» легли события, в которых я участвовал с моими товарищами на шахте Дельта 2, меня очень обрадовало. Приятным Вашим сообщением я уже успел поделиться с шахтерами — участниками событий. Думаю, что в ближайшее время мне все-таки удастся связаться с остальными участниками, и не сомневаюсь, что Ваш рассказ вызовет у них восторг. То, что я уже успел связаться с некоторыми участниками, дало мне очень много нового и ценного материала. Кроме того, постараюсь восстановить в памяти и дополнительно получить сведения от товарищей, участников рейда по тылам противника, и систематизировав материал,

¹ «Красная звезда» 24—26 июня 1943 г. Отд. изд. Василий Гроссман, Жизнь. Воениздат НКО, 1943.

написать Вам подробное письмо, так как рассказ «Жизнь» является лишь отдельным эпизодом рейда, участники которого пережили много тяжелых и интересных моментов.

При первой возможности побывать в Москве постараюсь с Вами встретиться и передать весь материал, а главное в личной беседе подробно все рассказать. Должен Вам сказать, что Ваш рассказ, хотя и написан по различно собранным данным от товарищей, знавших о борьбе отряда на шахге, однако в нем имеется очень много и довольно подробных моментов, которые приятно читать, особенно участникам событий. После Вашего письма я несколько раз прочитал рассказ и пришел к выводу, что, несмотря на то, что там обойдены некоторые особенно тяжелые моменты, о которых, я не сомневаюсь, Вы знаете, однако, основные события Вам удалось очень удачно изложить в художественной форме.

От души желаю Вам успеха в Вашей плодотворной и полезной работе.

Жму вашу руку Кислюк.

Воронеж.

6

27 мая 1944 г.

3-й Украинский фронт.

Дорогой товарищ Гроссман!

С большим удовольствием и интересом прочитали мы, рядовые бойцы, вашу статью в «Красной Звезде» от 13.V.1944 г. «Наступление».

Нам приятно знать, что перенесенные нами этой зимой и весной лишения принесли нашей Красной Армии, нашей любимой родине военные победы. Пусть знает родина и наши любимые близкие люди, в каких условиях приходится бить врага, и вопреки стихии, наперекор ей, наперекор старым понятиям о войне, одерживать блестящие победы. Причина наших успехов — любовь к Родине и ненависть к врагу наших бойцов и командиров. Мы знаем, история не забудет наших побед, перенесенных нами лишений, и Ваша статья, как и другие, послужит материалом для историков.

Желаем Вам плодотворной работы на Вашем писательском посту и доброго здоровья на благо нашей родины.

С товарищеским приветом, по поручению солдат орудийного расчета красноармеец В. Морозов.

Письма к Б. ГОРБАТОВУ

1

18 июня 1942 г.

Здравствуйте, дорогой товарищ Горбатов!

Ваша книжечка из фронтовой жизни «О жизни и смерти»¹ написана замечательно. Ее прочитали во всех взводах и отделениях нашей роты, ее читают и перечитывают бойцы и командиры. Вы правы. Среди нас еще есть единицы, которые имеют сердце зайца и душу хорька. Мы осуждаем таких людей и честно воспитываем в себе презрение к смерти, чувство храбрости. Нам, бойцам и командирам, Ваша книжечка помогает бороться против ненавистного врага. Мы любим жизнь, как люди, которые рождены ее любить, но в то же самое время мы воспитывали и воспитываем в себе презрение к смерти во имя победы. Мы довольны тем, что писатели поняли лозунг «Все для фронта, все для победы». Нам сейчас нужны статьи ваши, Эренбурга, Симонова. Ваши статьи дают нам еще больше силы и энергии для борьбы с заклятым врагом. Они бодрят, они учат, как нужно бороться, побеждать в Отечественной войне, как нужно жить воину и умирать, как воину. Умереть воином для победы — вот как понимает каждый из нас, что значит жить. Товарищ Горбатов, пришлите сборник своих статей, за что будем очень благодарны.

Прочитано во всех подразделениях роты.

Комиссар роты Ильин,
командир роты Алферс,
красноармеец (подпись).

¹ «Правда» 17 ноября 1941 г. Отд. изд. Б. Горбатов, О жизни и смерти, Воениздат НКО, М. 1942.

Дорогой товарищ Горбатов!

В цехах Медногорского завода часто в обеденный перерыв собираются группами рабочие, чтобы почитать газету, потолковать о текущей политике.

На днях мы читали Ваш рассказ «О жизни и смерти», и вот о нем хотелось бы нам поговорить с Вами.

Представьте себе цех, уходящие вдоль ленты конвейеров, в центре — покрытый кумачом стол чтеца, а кругом суровые лица старых кадровиков, платочки рабочих, в недалеком прошлом домохозяек, пришедших в эти грозные дни на производство заменить мужей, братьев, отцов, мужественно защищающих родину на поле брани. Среди рабочих много молодежи, в бойких глазах которой сейчас напряженное внимание. ...«О жизни и смерти»... Как волнующе звучат слова!

Мы пережили много. Наш завод поздней осенью прошлого года перевозил оборудование в глубокий тыл. Немало пришлось положить сил, чтобы наладить выпуск продукции на новом месте. Но все позади. Вот уже несколько месяцев, как мы выполняем и перевыполняем правительственное задание. Мы вышли победителями во Всесоюзном социалистическом соревновании, за что получили переходящее Красное знамя Наркомата.

...«Под его лучами я торжественно клянусь тебе, товарищ, я не дрогну в бою, раненый не уйду из строя, окруженный врагами не сдамся».

Это клятва бойцов. Слова глубоко западают в душу, и в ответ в сердцах вырастает своя клятва.

Встает рабочий Клименко. «Пока не выполню задания, не уйду из цеха», — говорит он. Его клятва — наша клятва. Мы будем работать не покладая рук, чтобы выполнить задание.

Презрение горит в глазах у рабочих, когда они слушают о предателе-дезертире Антоне Чувырине. Хочется мыслями обогнать чтеца, скорее узнать, чем все кончится, и когда произносятся слова: «он искал собачьей жизни, он нашел собачью смерть», — по цеху проносится вздох облегчения, — мы этого ждали, мы этого хотим.

Чего еще достоин человек, могущий смириться с гнетом, с насилием, тянущий наш народ к собачьей жизни? И поэтому такого презрения достойны дезертиры, подобные Чувырину. Они есть не только на фронте, но и у нас в тылу.

Рабочий нашего цеха Виктор Яненко дезертировал с производства, с трудового фронта. Он не осознал всей важности трудовой дисциплины, которая так нужна сейчас, в военное

время. Прогуляв больше месяца, он не дал фронту того, что должен был дать, он остался в долгу у государства. Его прогул был на пользу врагу.

...Ярко встают перед нами Украина, Дон, разрушенный Днепрогэс, сотни наших городов, уничтоженных проклятыми фашистами, виселицы на улицах Ростова и над тротуарами синие ноги повешенных, тысячи несчастных женщин и детей, оставшихся в оккупированных областях...

Ненависть, лютая ненависть наполняет наши сердца. Поэтому так близки, так понятны и девизом для нас звучат Ваши слова: «Я такой рабской жизни не хочу. Лучше штык в глотку, чем ярмо на шее, лучше умереть героем, чем жить рабом».

Наш мирный труд разрушен, враг захватил большую территорию и рвется к жизненным центрам нашей страны.

Сейчас, как никогда, нужны смелость и находчивость в тылу. Мы не станем на колени, мы победим... «И когда мы победим, мы каждого спросим: «что ты для победы сделал?» «Мы ничего не забудем, мы никого не простим». Эти волнующие строки мы вывесим у себя в цехе на видном месте, чтобы каждый рабочий, придя на производство, глубоко почувствовал их и работал еще лучше для быстреешего разгрома ненавистных советскому человеку двуногих зверей-фашистов.

Мы благодарим Вас за Ваш волнующий рассказ и ждем новых, таких же прекрасных произведений, мобилизующих нас на новые трудовые подвиги для блага нашей Родины, для полного разгрома фашистских извергов.

По поручению собрания подписали

стахановцы: *Зайцев, Чернов, Колодный,
Бочаров, Галицкий.*

3

23 декабря 1942 г.

Уважаемый товарищ Горбатов!

По поручению бойцов и командиров нашего подразделения передаю Вам привет и большую товарищескую благодарность за удовольствие, полученное при чтении Вашего произведения «Алексей Куликов, боец...»¹.

Зачитывали мы его вслух в несколько приемов, так как свободного времени у нас очень мало, и каждый раз интерес к книжке возрастал.

¹ «Правда» 3, 5, 6, 8—9 октября 1942 г. Отд. изд. Б. Горбатов, Алексей Куликов, боец... Воениздат НКО, 1942.

Из высказываний бойцов отмечу наиболее характерные. Тов. Комиссаров сказал: «Вот многие из переживаний Куликова я тоже испытал, точно так оно и было». Мл. лейтенант Коршиков отметил необычную доходчивость книжки, ее простой и в то же время увлекательный сюжет. Боец Гузанов сказал, что эта книжка, помимо общего интереса, особенно полезна для новичков, еще не бывших в бою.

В общем книжка произвела очень большое впечатление, и вероятно, потому, что частично каждый увидел в книжке самого себя.

Еще раз большое спасибо Вам и пожелание плодотворно трудиться на благо советской родины.

Зам. командира по политчасти Юриков.

4

12 ноября 1943 г.

Уважаемый товарищ Горбатов!

Хочу Вас горячо поблагодарить за Ваше прекрасное творение «Непокоренные»¹. Это замечательное произведение воспитывает, вырабатывает ненависть к фашистам — грабителям и захватчикам. Собственно, Ваше произведение велико тем, что его не только с интересом читаешь, но и тем, что буквально каждая строчка заставляет меня думать, сравнивать себя: «а как бы ты поступил, смог ли бы ты поступить так, как Степан, Валя, Настя и др.». Слишком часто наши отдельные писатели дают готовые формулировки ненависти к немецким оккупантам, и это, я бы сказала, не убедительно. Ваша же книга каждой своей строчкой заставляет их ненавидеть глубоко. Когда немцы ломают деревья в школьном саду, Вы их не клянете, Вы просто показали, как это отзывается на Насте и Павлике, и это очень сильно.

Я глубоко уверена, что Ваше произведение будет одинаково интересно массам не только сейчас, во время войны, но и долгие, долгие годы после, потому что в нем дан глубокий анализ чувств и поступков людей. Но еще более ценно оно тем, что сейчас, когда бушует война, Вы сумели все взвесить, обдумать и написать...

¹ Повесть «Непокоренные» печаталась в «Правде» в 1943 г.: 17, 19—23 мая (Семья Тараса); 25—27, 30 сентября, 2—4, 6—11 октября [«Непокоренные»]—(Семья Тараса)]. Отд. изд. Борис Горбатов, Непокоренные (Семья Тараса), М. 1943.

Как мать, я прошу Вас: пишите больше таких книг, воспитывайте наших детей так, чтобы они всегда могли противостоять всему, зверскому, ложному, грязному. Учите их самостоятельно мыслить.

Желаю Вам долгих лет творческой плодотворной жизни.

Ваш читатель *Е. Пушкина.*

г. Свердловск.

5

30 августа 1944 г.

Дорогой товарищ Горбатов!

Вчера у нас состоялась читательская конференция по поводу Вашей повести «Непокоренные». Такого характера конференции мы проводим впервые. Конференция показала, какой большой интерес вызвала Ваша книга.

Готовились к этой конференции с большой охотой, особенно комсомольцы. Каждый над избранным героем много думал, старался проникнуть в его переживания и оценить его поведение.

Комсомолка Извекова говорила о зверствах немецко-фашистских захватчиков. Для этого она прочла много дополнительной литературы и в своем выступлении показала, насколько правильно в Вашей книге отображена вся гнусная фашистская система угнетения, закабаления и истребления нашего народа.

Комсомолка Никулина—молоденькая девушка—много и серьезно думала над Вашим главным героем Тарасом и раскрыла перед собранием всю сложность замечательной души этого большого патриота. Много хвалы и благодарности было высказано по Вашему адресу, и эти высказывания получили горячий отклик у всех присутствующих.

Мы, работники тыла, строим гидроэлектростанцию на Урале. В тайге, где раньше не ступала человеческая нога, вырос поселок с домами, электричеством, радио, небольшой библиотекой; сейчас строится клуб.

Нашему коллективу выпала нелегкая задача, но с этой задачей он справляется неплохо.

Многие из нас с Украины, из Ленинграда, Москвы и других мест, где им пришлось пережить много тяжелого.

Однако все это мелочи по сравнению с тем, что пришлось пережить нашим людям в оккупированных местах.

Вы своей замечательной книгой помогли нам лучше осознать ту страшную опасность, которая висела над нашей страной и народом, и величие духа советских людей, которые совершили бессмертные подвиги.

Мы, Ваши читатели, решили написать Вам о проведенной конференции и пожелать Вам хорошего здоровья и больших успехов в Вашей благодарной работе.

Большое спасибо за замечательную книгу.

Зав. парткабинетом *Гордон*,
секретарь парторганизации *Швед*,
секретарь ком. организации *Фурман*,
инженер *Карпис* и др.

6

Уважаемый товарищ Горбатов!

23 сентября в нашей Краснознаменной части по инициативе бюро ВЛКСМ состоялась конференция читателей Вашей книги «Непокоренные». Искренно благодарим Вас, дорогой товарищ Горбатов, за правдивую книгу. Как родных и близких сердцу людей, мы полюбили большевика Степана, отважную девушку Настю, глубоко волнует нас образ луганского пролетария Тараса.

Читая «Непокоренные», видишь настоящую жизнь, душу людей, их гнев и любовь, их характер. Вот почему Ваши книги нашли так много читателей среди бойцов и офицеров нашей части.

Заверяем Вас, дорогой товарищ Горбатов, что в предстоящих боях мы будем еще крепче мстить немцам за смерть Насти, за горе Тараса, за город Клина Ворошилова и Александра Пархоменко.

Желаем Вам доброго здоровья и новых творческих успехов.

По поручению участников читательской конференции
бойцы и офицеры Н-ской Краснознаменной части

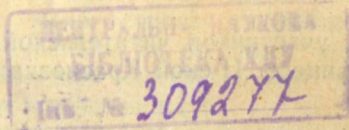
Мухидинов,
Кушнир,
Томарева и др.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие — Д. Заславский.	3
Писатель и читатель в дни Великой Отечественной войны — П. Шамес	5

ПИСЬМА

А. Толстому	13
М. Шолохову	29
Н. Тихонову	43
И. Эренбургу	59
К. Симонову	85
А. Суркову	101
А. Твардовскому	105
М. Исаковскому	117
В. Гроссману	125
Б. Горбатову.	130

Редактор Н. Л. Степанов

Оформление И. А. Стрелецкого

Сдано в производство 25/IV 1946 г. — Подписано к печати 5·XI·1946 г.
 Объем 8½ п. л. 7,05 уч. авт. л. Тираж 7 000 экз. Формат бумаги 60×92¹/₁₆
 Л-139665 Цена 9 р. Зак. № 1138.

Типография Госэнергоиздата. Москва, Шлюзовая наб., 10.

